

ТЕРРИ ПРАТЧЕТТ

Делай,
деньги!

ЕЩЁ НИКОГДА У НЕГО
НЕ БЫЛО СТОЛЬКО ЗОЛОТА.
ЧУЖОГО.

Терри Пратчетт Делай деньги!

Серия «Плоский мир»

Серия «Мойст фон Липвиг», книга 2

indd предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=21232265

Терри Пратчетт Делай деньги!: М; 2016

ISBN 978-5-699-91438-8

Аннотация

О, Анк-Морпорк, великий город контрастов! Что ты делаешь со своими верными сынами?

Мокриц фон Липвиг в тяжких раздумьях. С одной стороны, жизнь честного человека, который (о ужас!) исправно платит налоги, ведет к определенному долголетию. С другой стороны, такая жизнь скучна до зубовного скрежета, что особенно ясно в свете нового предложения патриция Витинари – заняться реформированием банковской системы города.

Впрочем, Мокриц слишком хорошо помнит, что жизнь приличного мошенника не только весела и задорна, но и прискорбно коротка. Выбрав путь благочестивого горожанина, главный почтмейстер еще не знает, что ему предстоит стать хозяином очаровательного Шалопая – милого песика,

владеющего мажоритарным пакетом акций «Королевского банка Анк-Морпорка».

Впервые на русском языке!

Содержание

От автора	6
Глава 1	7
Глава 2	52
Глава 3	87
Глава 4	126
Конец ознакомительного фрагмента.	132

Терри Пратчетт

Делай деньги!

Terry Pratchett
MAKING MONEY

First published as *Going Postal* by Transworld Publishers

Перевод с английского *Елизаветы Шульги*

Copyright © Terry and Lyn Pratchett, 2004

© Шульга Е., перевод на русский язык, 2016

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Э», 2016

От автора

Длина подола как индикатор национального кризиса (см. текст): автор будет вечно благодарен известному военному историку и стратегу сэру Бэзилу Лидделлу Харту за то, что в 1968 году он поделился с ним этим ценным наблюдением. Это объясняет, почему с шестидесятых мини-юбки не выходили из моды.

Знатки истории вычислительной техники распознают в Хлюпере далекие отголоски гидравлического компьютера Филлипса, который был сконструирован в 1949 году инженером и впоследствии экономистом Уильямом Филлипсом и представлял собой не менее эффективную гидравлическую модель национальной экономики. Игори, очевидно, в его создании участия не принимали. Одну из ранних моделей можно увидеть в Музее науки в Лондоне, и еще десятка два подобных машин выставлены для интересующихся по всему миру.

И, наконец, автор, как всегда, выражает признательность Британскому фонду юмористического наследия – за труды, направленные на то, чтобы хорошие старые шутки никогда не умирали...

Глава 1

Ожидание в темноте – Сделка заключена – В подвешенном состоянии – Гolem в голубом платье – Преступление и наказание – Возможность сделать хорошие деньги – Золотистая цепочка – Хорошее отношение к утятам – Господин Бент следит за временем

Они покоились в темноте и сторожили. Нельзя было сказать, сколько уже прошло времени, да и не чувствовалось никакой потребности в этом. Когда-то их здесь не было; не исключено, что однажды их тут снова не станет. Тогда они будут где-то еще. Время в промежутке было несущественно.

Но одни разбились, а иные, более юные, смолкли.

Вес увеличивался.

Нужно было что-то делать.

Один из них мысленно затянул песню.

Сделка была невыгодной, но *кому* она была невыгодна? Вот в чем вопрос. И господин Мозоль, законник, никак не находил на него ответа. А ответ был бы очень кстати. Когда покупатель проявляет интерес к неприглядному участку земли, другим покупателям будет нелишне обратить внимание на соседние участки, чтобы принять участие в участии участка, на случай если тот, первый покупатель, пронюхал

что-то, неизвестное остальным.

Но как знать, было ли тут что прониюхать.

Законник наградил сидящую перед ним женщину подобающей обеспокоенной улыбкой.

– Госпожа Ласска, тебе ведь известно, что эти земли подпадают под действие горного права гномов? Это значит, что все металлы и все металлические руды принадлежат Королю-под-Горой. Тебе придется выплачивать значительные пошлины за любую добычу. Которых там и не окажется, надо заметить. Считается, что сверху донизу сплошной ил и песок, а до низу там, дескать, очень далеко.

Он подождал реакции от женщины напротив, но та лишь молча смотрела на него. Голубоватый дым от ее сигареты устремлялся под потолок конторы.

– Перейдем к вопросу о древностях, – продолжил законник, стараясь разглядеть за завесой дыма выражение ее лица. – Король-под-Горой оставляет за собой право конфисковать или обложить налогом любые ювелирные изделия, доспехи, предметы старины, которые могут быть классифицированы как Механизмы, а также оружие, посуду, свитки и кости, извлеченные вами из недр данного участка.

Госпожа Ласска задумалась, как бы сверяясь мысленно с собственным списком, затушила сигарету и поинтересовалась:

– Есть основания полагать, что мы найдем что-то из вышеперечисленного?

– Ни малейших, – ответил законник со скупой улыбкой. – Всем известно, что это заброшенная пустошь. Но Король-под-Горой хотел перестраховаться на тот случай, если «всем известное» окажется неверным. Как оно часто бывает.

– Он требует огромных денег за такой короткий срок аренды.

– Но ты согласна платить. Пойми, гномам беспокойно. Они не привыкли расставаться со своими землями, даже на год или два. Похоже, Королю-под-Горой просто нужны деньги после всей этой истории с Кумской долиной.

– Я же плачу все, что он просит!

– Все так, все так, но...

– Он выполнит условия договора?

– До последней запятой. В этом можно не сомневаться. Гномы крайне дотошны в таких вопросах. От тебя требуется лишь поставить свою подпись и, к сожалению, заплатить.

Госпожа Ласска достала из сумки плотный лист бумаги и положила перед ним на столе:

– Банковский вексель на пять тысяч долларов, выписан Анк-Морпоркским Королевским банком.

– Надежные люди, – улыбнулся законник и добавил: – Исторически, во всяком случае. Распишись там, где галочки.

Он внимательно следил за ней, пока она ставила подписи, и, ей показалось, даже задержал дыхание.

– Готово, – сообщила она и вернула ему договор.

– А можно попросить тебя удовлетворить мое любопыт-

ство? – осведомился он. – Пока чернила подсыхают?

Госпожа Ласска посмотрела по сторонам, как будто у старинных книжных шкафов могли быть уши.

– Ты умеешь хранить секреты, господин Мозоль?

– А как же, госпожа, а как же!

Она заговорщически оглянулась и прошипела:

– Об этом можно говорить только шепотом.

Он с надеждой закивал, нагнулся поближе и впервые за много лет почувствовал женское дыхание над ухом.

– *Я тоже умею*, – сказала она.

Это было почти три недели назад...

Удивительные вещи можно узнать по ночам, сидя на водосточной трубе. Оказывается, например, что люди скорее обратят внимание на тихие звуки – щеколда щелкнет на окне, звякнет отмычка, – чем на громкие, вроде падения кирпича на мостовую или (дело-то происходило в Анк-Морпорке) чужого крика.

Это были громкие звуки и, стало быть, являлись достоянием широкой публики, что делало их общей проблемой – то есть не вашей. А тихие звуки были совсем рядом и говорили о том, что кому-то не удалось остаться незамеченным, а значит, были самыми насущными и лично вашими.

Поэтому он и старался не производить тихих звуков.

Внизу гудел, как опрокинутый улей, каретный двор Центрального Почтамта. Служба доставки теперь работала как

часы. Ночные кареты прибывали, и новенькая «Убервальдская стрела» мерцала в свете фонарей. Все шло как положено, и именно поэтому у полуночного верхолаза все шло наперекосяк.

Он вогнал клинышек в мягкую известку, перенес вес на другую ногу, потянулся...

Проклятый голубь! Птица в панике вспорхнула, нога соскользнула, пальцы, цеплявшиеся за сточную трубу, разжались, а когда мир постепенно перестал вращаться, только стиснутый в его руке клинышек, который, скажем прямо, был не чем иным, как большим и плоским Т-образным гвоздем, оттягивал его свидание с далекой брусчаткой.

Стену не обманешь, рассуждал он. Может, получится раскачаться и ухватиться рукой и ногой за трубу – а может и клинышек выскользнуть.

Хо... ро... шо...

У него с собой было еще несколько гвоздей и маленький молоток. Сумеет ли он забить гвоздь, не выпустив из рук предыдущий?

Голубь присоединился к своим собратьям на карнизе выше.

Верхолаз всадил гвоздь в раствор со всей силой, на какую у него хватило смелости, вытащил из кармана молоток и подлязг и грохот выезжающей со двора «Стрелы» что было мочи ударил по гвоздю.

Гвоздь вошел в стену. Он отбросил молоток, не теряя на-

дежды, что удар о землю потонет в общем гаме, и ухватился за новый клин еще до того, как молоток достиг земли.

Хо... ро... шо... Он что... застрял?

До трубы оставалось меньше трех футов. Ладно. Можно попробовать. Обеими руками взяться за новое крепление, чуть раскачаться, левой рукой обхватить трубу, а там уже подтянуться туда самому. Останется только...

Голубь нервничал. Обычное для голубей состояние. И именно в этот момент птица решила облегчиться.

Хо... ро... шо... Поправочка: теперь он обеими руками держался за *ставший внезапно слишком скользким* гвоздь.

Проклятье.

И поскольку нервозность в голубиной среде заразительнее, чем смех на поминках, с карниза заморосило.

Бывают моменты, когда фраза «лучше не придумаешь» никак не идет на ум.

А потом снизу раздался голос:

– Эй, наверху, кто там?

«Ну спасибо, молоток, – подумал он. – Увидеть меня они никак не могли: ты стоишь на освещенной улице, задираешь голову, смотришь – и видишь только крошечную темень. А толку-то? Раз все равно уже понятно, что я здесь».

Хо... ро... шо...

– Накрыл ты меня, начальник, – отозвался он.

– Вор, что ль? – спросили снизу.

– Пальцем ни к чему не притронулся, начальник. Мне бы

подсобил тут кто, начальник.

– Ты из Гильдии Воров? Говоришь по ихней фене.

– Не, начальник. Я просто всех называю «начальник», начальник.

Сейчас ему сложно было посмотреть вниз, но, судя по голосам, к ним уже подтягивались конюхи и свободные возницы. Это было очень некстати. Возницы если сталкивались с ворами, то на большой дороге, где разбойники редко утруждали себя пустыми вопросами вроде: «Кошелек или жизнь?» Так что, когда вор попадался в руки *им*, возмездие и правосудие с удовольствием вершились при помощи подручной свинцовой трубы.

Снизу донеслись приглушенные голоса, и консенсус, похоже, был достигнут.

– Ладно, господин грабитель Почтамта, – раздался задорный голос. – Мы, значит, вот как поступим. Мы зайдем в здание, так? И спустим тебе веревку. Честнее некуда, так?

– Так, начальник.

Это был неправильный задор. Это был тот задор, который слышится в слове «приятель», когда оно стоит в предложении: «Ты на кого вылупился, приятель?» Гильдия Воров платила двадцать долларов за голову каждого нелегализованного вора, доставленного живым, но было столько разных способов остаться в живых, пока тебя не приволокут и не свалят на ступеньках Гильдии...

Он задрал голову. Прямо над ним находилось окно квар-

тиры главного почтмейстера.

Хо... ро... шо...

Руки и пальцы онемели, но это не мешало им ныть от боли. Он услышал грохот грузового подъемника в здании, лязг щеколды, шаги по крыше и почувствовал, как по руке его ударила спущенная веревка.

– Или хватайся, или падай, – произнес голос, когда он попытался ухватиться. – В сущности, какая разница?

В темноте раздался хохот.

Спасатели поднатужились и потянули. Вор поболтался в воздухе, потом оттолкнулся и выкинул ноги вперед. Под самым желобом раздался звон стекла, и они вытянули пустую веревку.

Люди переглянулись.

– Так, вы двое, возьмете на себя центральный и черный ход, живо! – распорядился возница, который соображал побыстрее прочих. – Не дайте ему уйти! Вниз спуститесь на подъемнике. Остальные за мной, выкурим его отсюда, с этажа на этаж!

Всем скопом они бросились на лестницу и побежали по коридору. Из одной комнаты высунулся человек в халате, уставился ни них сперва в изумлении, а потом сердито рявкнул:

– Вы еще кто такие? Живей, ловите его!

– Да ну? А ты кто такой? – Конюх притормозил и уперся в него взглядом.

– Да это ж сам господин Мокриц фон Липник! – ответил у него за спиной возница. – Он же главный почтмейстер!

– Кто-то влетел в мое окно, упал прямо между... то есть чуть прямо на меня не упал! – заорал человек в халате. – И выбежал в коридор! Десять долларов на нос, если вы его поймаете! И кстати, правильно – «Липви́г».

Они собрались было возобновить забег, но конюх спросил недоверчиво:

– Это, ну-ка, скажи «начальник»?

– Ты чего несешь, а? – одернул его возница.

– Да голос у него больно похожий, – заметил конюх. – И запыхался он.

– Ты дурак? – возмутился возница. – Он же почтмейстер! У него ключ есть! У него *все* ключи есть! Зачем ему вламываться в собственный Почтамт?

– Сдается мне, нужно осмотреть его комнату, – сказал конюх.

– Неужели? А мне вот сдается, что от каких таких занятий господин фон Липви́г запыхался в своей личной комнате, нас не касается, – парировал возница и подмигнул Мокрицу фон Липви́гу. – И еще сдается, что от меня десять долларов убегают, потому что ты нам тут голову морочишь. Извиняй, господин, – обратился он к Мокрицу. – Новенький он у нас и манер не знает. Не будем тебе мешать, господин, – добавил он, прикладывая руку ко лбу где-то в области чуба. – Премного извиняемся за предоставленные неудобства. А ну,

шевелитесь, недоумки!

Когда они скрылись из вида, Мокриц вернулся к себе и закрыл за собой дверь на засов. Ну, хоть какие-то навыки еще при нем. И легкий намек на присутствие дамы в его спальне оказался очень уместен. Да и потом, он действительно был главным почтмейстером, и у него были все ключи.

Оставался час до рассвета. Заснуть уже все равно не получится. Значит, можно официально начать новый день и окончательно закрепить за собой репутацию энтузиаста.

Он выбирал рубашку и думал о том, что его могли подстрелить прямо на стене. Могли не трогать, а просто делать ставки на то, сколько он протянет, пока не разожмутся руки – а что, это было бы вполне по-анк-морпоркски. Ему просто повезло, что конюхи решили его поколотить, прежде чем отправить по частям в Гильдию Воров. А везение приходит к тем, кто оставляет для него место...

В дверь тяжело, но вместе с тем как-то даже учтиво постучали.

– Ты Свободен, Господин Фон Липвиг? – прогремел голос.

«Как посмотреть», – подумал Мокриц, но вслух сказал:

– Входи, Глэдис.

Когда Глэдис вошла, половицы заскрипели, и в дальнем углу мебель задрожала.

Глэдис была големом – глиняным существом (во избежа-

ние недоразумений, сразу назовем ее глиняной женщиной) почти семи футов росту. Она – ну да, с именем «Глэдис» средний род был бы абсурден, а мужской попросту несостоятелен – была одета в необъятных размеров голубое платье.

Мокриц покачал головой. Если честно, то вся эта нелепица была просто вопросом приличий. Госпожа Макалариат, обладательница железной хватки и луженой глотки, которая заправляла почтамтскими кассами, воспротивилась тому, что голем мужского пола моет пол в дамской уборной. Каким образом госпожа Макалариат пришла к выводу, что големы мужского пола от природы, а не только на словах, уже само по себе вызывало вопросы, но спорить с такими людьми было совершенно бесполезно.

Так, посредством безразмерного хлопчатобумажного платья, голем стал женщиной – в достаточной степени, чтобы успокоить госпожу Макалариат. Но как бы странно это ни звучало, Глэдис теперь и в самом деле была *женщиной*. И дело не в одном только платье. Ей нравилось проводить время с девушками-кассиршами, и те приняли ее в свой девичий коллектив, невзирая на то что она весила полтонны. Они даже давали ей почитать свои модные журналы, хотя сложно было вообразить, чем советы по уходу за кожей в холодную погоду могут помочь тысячелетнему существу с глазами, полыхающими как печные горнила.

А теперь она спрашивает, *свободен* ли он. Что *она* имеет в виду, интересно?

Глэдис принесла ему чашку чая и свежий выпуск местной «Правды», еще не просохший после отпечатного станка. Все это было бережно оставлено на столе.

И... о, боги, они напечатали его снимок. Самый настоящий снимок! Вот он, Витинари, и всякие важные лица накануне вечером, задрав головы, смотрят на новую люстру. Он шевельнулся в момент съемки, и изображение чуть-чуть смазалось, но все равно это было то самое лицо, которое каждый день глядело на него из зеркала. Отсюда и до самой Орлеи везде были люди, одураченные, облапошенные, околпаченные и оболваненные этим самым лицом. Разве что обгоренных не было, и то лишь потому, что Мокриц так и не понял, как это делается.

Допустим, лицо у него было в своем роде универсальное и напоминало многие другие лица, но видеть его увековеченным в печати было невыносимо. Некоторые верят, что иконографии крадут душу, но Мокриц склонялся к мысли, что они крадут свободу.

Мокриц фон Липвиг, оплот общества. Ха!..

Что-то заставило его приглядеться. Кто это стоит за его спиной? И смотрит как будто поверх плеча Мокрица. Толстое лицо, борода почти как у Витинари, но если у лорда Витинари это была эспаньолка, то у этого человека тот же фасон смотрелся как результат небрежного бритья. Какой-нибудь банкир? Там было столько лиц, столько рукопожатий, и все хотели влезть в кадр. Человек стоял как загип-

нотизированный, но такое часто бывает с людьми на иконографиях. Рядовой гость на рядовом мероприятии...

И они напечатали это на первой странице только потому, что кто-то счел главный репортаж номера – об очередном обанкротившемся банке и толпе озлобленных клиентов, которые попытались вздернуть управляющего прямо на улице, – недостойным иллюстрации. Хватило ли у редактора совести опубликовать иконографию, которая скрасила бы всем серые будни? О нет, нам нужен портрет чертова Мокрица фон Липвига!

А боги уж если прижмут человека к стенке, то никогда не ограничатся одной молнией под дых. Здесь же, на первой полосе, чуть ниже красовался заголовок: «ФАЛЬШИВОМАРОЧНИК БУДЕТ ПОВЕШЕН». Сычика Дженкинса собирались казнить. А за что? За убийство? За финансовые преступления? Нет, он всего-то подделал пару сотен листов с марками. Неплохо подделал причем. Страже не к чему было бы подкопаться, не вломись они к нему на чердак, где он развесил сушиться листы красненьких полпенсовиков.

А Мокриц был свидетелем на этом самом процессе. А как же иначе? Таков был его гражданский долг. Подделка марок считалась таким же преступлением, как подделка монет – как тут было отвертеться? Он ведь был главным почтмейстером, уважаемой фигурой в городе. Мокрицу было бы чуточку легче, если бы подсудимый заорал на него или посмотрел с ненавистью, но он просто сидел на скамье подсудимых,

этот маленький человечек с жиденькой бородкой, с потерян-ным и растерянным видом.

Он подделывал полупенсовые марки, да, подделывал. Это был удар в самое сердце, да, удар. О, он брал и марки подо-роже, но кто пойдет на такую мороку ради полупенса? Сы-чик Дженкинс, вот кто. И теперь он сидел в Танти в камере смертников, и у него в запасе было несколько дней, чтобы поразмыслить о превратностях судьбы, пока не придет его час сыграть в «виселицу».

«Это мы проходили, – подумал Мокриц. – Все погрузи-лось во тьму – а потом мне подарили новую жизнь. Но кто бы знал, что быть образцово-показательным членом общества окажется так непросто».

– Гм... спасибо, Глэдис, – сказал он деликатно нависшей над ним фигуре.

– У Тебя Назначена Встреча С Лордом Витинари, – сооб-щила голем.

– Ничего подобного.

– Двое Стражников За Дверью Настаивают, Что Назначе-на, Господин Фон Липвиг.

«А, – догадался Мокриц, – *такая встреча*».

– И назначена она, надо полагать, прямо сейчас?

– Да, Господин Фон Липвиг.

Мокриц схватил брюки, но из какого-то остаточного чув-ства приличия замешкался. Он бросил взгляд на стоящую рядом глыбу в голубом платье.

– Не возражаешь?

Глэдис отвернулась.

«Это просто полтонны глины», – сердито думал Мокриц, натягивая одежду. Безумие таки заразительно.

Одевшись, он торопливо спустился по черной лестнице, ведущей на каретный двор, который еще недавно грозил стать его последним пристанищем. «Щеботанский Скорый» уже отчаливал, но Мокриц вскочил на козлы, кивнул вознице и с ветерком покатил по Противовращательному проспекту, соскочив прямо у главных дворцовых ворот.

«Как было бы славно, – думал он, взбегая по ступенькам, – если бы его светлость придерживался мнения, что встречи назначаются по обоюдному согласию». С другой стороны, патриций же был тираном. Им тоже нужно как-то развлекаться.

Стукпостук, секретарь патриция, встретил Мокрица у дверей Продолговатого кабинета и поспешно усадил его напротив стола.

После девяти секунд усердного письма лорд Витинари оторвался от бумаг:

– А, господин фон Липвиг. Почему не в золотом костюме?

– Он в стирке, сэра.

– Как проходит день? Все хорошо? То есть было до настоящего момента?

Мокриц озирался по сторонам, бегло прокручивая в голове все давешние неурядицы на Почтамте. Если бы не Стук-

постук, который стоял подле своего господина с выражением почтительной готовности, он был бы один на один с патрицием.

– Я все могу объяснить, – сказал Мокриц.

Лорд Витинари вздернул бровь с тем озабоченным видом, с которым человек, нашедший у себя в салате полгусеницы, переворачивает все листья латука.

– Не томи, – отозвался он и откинулся на спинку кресла.

– Нас немного занесло, – признался Мокриц. – Мы слишком творчески подошли к проблеме. Додумались разводить мангустов в почтовых ящиках, чтобы отвадить змей...

Лорд Витинари промолчал.

– Э... которых, не скрою, мы поселили в почтовых ящиках, чтобы умерить популяцию жаб...

Лорд Витинари снова промолчал.

– Э... которых, если начистоту, посадили туда наши сотрудники, чтобы избавиться от улиток...

Лорд Витинари промолчал еще раз.

– Э... которые справедливости ради завелись там сами по себе, чтобы съесть клей с марок, – заключил Мокриц, понимая, что начинает путаться.

– Что ж, хотя бы они обошлись без посторонней помощи, – ответил Витинари шутливо. – Как ты понимаешь, это тот самый случай, когда неумолимая логика должна была уступить здравому смыслу – да хотя бы среднестатистического цыпленка. Но я позвал тебя сюда сегодня не за этим.

– Если это насчет клея со вкусом капусты...

Витинари отмахнулся.

– Любопытный инцидент, – сказал он. – Но никто ведь не умер.

– Э... второе издание пятидесятипенсовой марки? – предположил Мокриц.

– Это ее называют в народе «Любовники»? – спросил Витинари. – Лига Приличий обращалась с жалобой, да, но...

– Художник не отдавал себе отчета в том, что рисует! Он плохо разбирается в сельском хозяйстве и решил, что молодые люди заняты жатвой!

– Гм. Впрочем, как я понимаю, оскорбительное действие хоть сколь-нибудь отчетливо можно разглядеть лишь под мощным увеличительным стеклом, так что оскорбление нравственности, если оно и имеет место, можно считать самостоятельно нанесенным. – Патриций усмехнулся тихой, наводящей страх улыбкой. – Насколько мне известно, те немногие экземпляры, которые остались в обращении у коллекционеров, приклеены к простым коричневым конвертам. – Глядя на непроницаемое лицо Мокрица, он вздохнул: – Скажи мне, господин фон Липвиг, хочешь ли ты сделать хорошие деньги?

Мокриц хорошенько обдумал это и спросил с особой осторожностью:

– Что случится, если я отвечу «да»?

– Тебя будет ждать новая карьера, господин фон Липвиг,

полная приключений и испытаний.

Мокриц нервно переступил с ноги на ногу. Не нужно было оглядываться, чтобы понять, что кто-то уже встал у дверей. Кто-то умеренно внушительного телосложения, в недорогом черном костюме и без капли чувства юмора.

– И, чисто теоретически, что случится, если я отвечу «нет»?

– Ты можешь выйти вон в ту дверь, и мы больше не будем возвращаться к этой теме.

Другая дверь. Через ее порог он не переступал.

– Вот в эту? – Мокриц встал и указал на дверь.

– Совершенно верно, господин фон Липвиг.

Мокриц повернулся к Стукпостуку:

– Одолжи мне свой карандаш, пожалуйста. Благодарю.

Он подошел к двери и отворил ее. Там он театральным жестом приложил ладонь к уху и бросил карандаш.

– Посмотрим, как до...

Тюк! Карандаш отскочил и покатился по самому что ни на есть твердому полу. Мокриц подобрал карандаш, уставился на него и побрел обратно на свое место.

– Разве не там раньше была глубокая яма, утыканная кольями? – спросил он.

– Ума не приложу, с чего ты это взял, – ответил лорд Витинари.

– Точно была, – не унимался Мокриц.

– Стукпостук, как ты думаешь, почему наш дорогой гос-

подин фон Липвиг полагает, что за этой дверью когда-то была глубокая яма, утыканная кольями? – спросил Витинари.

– Понятия не имею, откуда у него могли возникнуть такие мысли, милорд, – пробормотал Стукпостук.

– Я очень доволен работой на Почтамте, между прочим, – сказал Мокриц и поймал себя на мысли, что как будто оправдывается.

– Кто бы сомневался. Из тебя вышел выдающийся главный почтмейстер, – сказал Витинари и повернулся к Стукпостуку. – Здесь мы закончили. Можно приступать к утренней корреспонденции из Орлеи. – С этими словами он бережно вложил письмо в конверт.

– Да, милорд, – отозвался Стукпостук.

Тиран Анк-Морпорка погрузился в работу. Мокриц бессмысленно наблюдал за действиями Витинари, который вынул из ящика стола небольшую, но увесистую на вид шкатулку, достал оттуда палочку черного сургуча и накапал его на конверт с таким сосредоточенным видом, что Мокрица это взбесило.

– Это все? – спросил он.

Витинари поднял на него взгляд, как будто удивленный тем, что он еще здесь.

– Конечно, господин фон Липвиг, можешь быть свободен.

Он отложил сургуч и достал из шкатулки черный перстень с печаткой.

– И все, и никаких проблем?

– Нет, ровным счетом никаких. Ты стал образцовым гражданином, господин фон Липвиг, – сказал Витинари, аккуратно впечатывая в остывающую лужицу литеру V. – Каждый день в восемь утра ты на ногах, в восемь тридцать – на рабочем месте. Ты превратил Почтамт из ходячей катастрофы в хорошо отлаженный механизм. Исправно платишь налоги и, мне тут шепнули, метишь на место председателя Гильдии Купцов в будущем году. *Похвально*, господин фон Липвиг!

Мокриц собрался уходить, но задержался.

– И что не так с местом председателя Гильдии Купцов? – поинтересовался он.

Медлительно и с невероятным терпением лорд Витинари убрал перстень обратно в шкатулку, а шкатулку – в ящик стола.

– Прошу прощения, господин фон Липвиг?

– Вы просто сказали это таким тоном, как будто тут что-то не так.

– Уверен, что я этого не делал. – Витинари перевел взгляд на секретаря. – Стукпостук, разве в моих словах просквозила уничижительная интонация?

– Нет, милорд. Вы неоднократно отмечали, что купцы и торговцы являются оплотом нашего города, – ответил Стукпостук, протягивая патрицию толстую папку.

– Мне вручат настоящую золотистую цепочку, – сказал Мокриц.

– Слышишь, Стукпостук, ему вручат настоящую золоти-

стую цепочку, – проговорил Витинари, вчитываясь в очередное письмо.

– И что в этом плохого? – возмутился Мокриц.

Витинари поднял на него взгляд, исполненный искусно подделанного недоумения.

– Как твое здоровье, господин фон Липвиг? Кажется, у тебя какие-то проблемы со слухом. Тебе пора спешить. Почтамт открывается через десять минут, и ты наверняка захочешь, как всегда, подать хороший пример своим сотрудникам.

Когда Мокриц вышел, Стукпостук тихонько положил перед Витинари папку. Досье было подписано: «Альберт Стеклярс/Мокриц фон Липвиг».

– Благодарю, Стукпостук, но зачем мне это?

– Смертный приговор Альберту Стеклярсу все еще действителен, – прошелестел Стукпостук.

– А. Понимаю. Ты думаешь, я захочу указать господину фон Липвигу на то, что его криминальное альтер-эго все еще можно казнить? Ты думаешь, я намекну ему, что мне достаточно просто сообщить газетам о потрясении, которое я испытал, когда внезапно выяснилось, что наш достопочтенный господин фон Липвиг на самом деле криминальный талант, фальшивомонетчик и аферист, который наградил сотни тысяч долларов, разоряя банки и пуская по миру честных предпринимателей? Ты думаешь, я стану угрожать, что направлю самых надежных своих ревизоров в бухгалтерию Почтамта,

где, вне всякого сомнения, будут выявлены вопиющие хищения? Ты думаешь, что там они недосчитаются, скажем, целиком всего пенсионного фонда Почтамта? Ты думаешь, я заявлю всему свету, какой ужас испытываю от того, что негодяй фон Липвиг сумел избежать петли палача при помощи неизвестных пособников? Проще говоря, ты думаешь, я захочу втолковать ему, что могу затащить его так низко, что всем его бывшим товарищам придется садиться на корточки, чтобы плюнуть на него? Такого ты мнения, Стукпостук?

Секретарь уставился в потолок. Секунд двадцать он молча шевелил губами, пока Витинари продолжал заниматься бумагами. Потом он оторвался от потолка и ответил:

– Да, милорд. В общих чертах.

– Видишь ли, Стукпостук, человека можно укротить и другим способом.

– Болевым, милорд?

– Ах, Стукпостук, ты знаешь, как я ценю твое выпестованное отсутствие воображения.

– Да, сэр. Спасибо, сэр.

– На самом деле нужно позволить человеку самому потянуться за пряником и подождать, пока он схватится за кнут.

– Не уверен, что до конца понимаю вас, милорд.

Лорд Витинари отложил перо.

– Всегда принимай в расчет индивидуальный образ мысли, Стукпостук. Каждый человек – это замок, и к каждому замку есть ключ. Я возлагаю большие надежды на господи-

на фон Липвига в надвигающемся конфликте. В нем все еще живы криминальные инстинкты.

– Откуда вам это известно, милорд?

– Да так, разные мелочи, Стукпостук. Самой убедительной мне кажется та, что он вышел отсюда с твоим карандашом в кармане.

Собрания. Бесконечные собрания. На них было невыносимо скучно, отчасти поэтому они и были собраниями. Не в одиночестве же скучать.

Почтамт уже не открывал новые горизонты. Почтамт уже открыл все горизонты. Теперь этим горизонтам требовались сотрудники, а сотрудникам графики дежурств, оклады и пенсии, а здания нуждались в ремонте и уборке помещений, а еще были графики приема товара, и дисциплинарный порядок, и инвестиции, и далее, и далее...

Мокриц в унынии глядел на письмо от госпожи Эстрессы Партлей из комитета «Гномы на высоте». Оказывается, на Почтамте служило мало гномов. Мокриц отметил, и весьма справедливо, как ему казалось, что каждый третий работник Почтамта был гномом. Она ответила, что не в этом суть. А суть была в том, что если рост гномов в среднем составляет две трети от человеческого роста, то Почтамт, как авторитетное учреждение, должен брать на работу по полтора гнома на каждую рабочую единицу человеческой расы. Неужели у Почтамта поднимется рука на все гномье сообще-

ство, возмущалась госпожа Партлей. Мокриц поднял письмо большим и указательным пальцем и бросил его на пол. «Не поднимется, госпожа Партлей, *а опустится*».

Были еще какие-то основополагающие принципы. Мокриц вздохнул. Вот до чего он докатился. Стал ответственным лицом, и люди могли безнаказанно говорить ему про «основополагающие принципы».

Мокриц, однако, готов был поверить, что существуют люди, находящие радость и умиротворение в созерцании столбиков чисел. Он в их число не входил.

Уже несколько *недель*, как он не нарисовал ни одной марки! И еще дольше он не испытывал этого жжения, этого нерва, этого чувства полета, означавшего, что афера складывается гладко и он вот-вот оставит с носом того, кто вздумал оставить с носом его.

Все было такое... почтенное. От этого становилось трудно дышать.

Потом Мокриц вспомнил об утреннем происшествии и улыбнулся. Ну да, он влип, но у тайного общества ночных верхолазов Почтамт вообще считался проблемным зданием. К тому же ему удалось выкрутиться из затруднительного положения. Кругом выигрышная ситуация. И ненадолго, в перерыве между приступами паники, он ожил и полетел.

Тяжелая поступь из коридора возвестила о приближении Глэдис с полуденным чаем для Мокрица. Пригнувшись, чтобы не задеть головой косяк, она переступила порог и с пора-

зительной для ее нескладной комплекции ловкостью поставила перед ним чашку с блюдцем, не расплескав ни единой капли.

– Карета Лорда Витинари Ожидает Снаружи, Господин, – сообщила она.

Мокриц мог поклясться, что в ее голосе последнее время стали слышны высокие нотки.

– Я же час как от него! Кого она ожидает? – удивился Мокриц.

– Тебя, Господин. – Глэдис отвесила реверанс, а когда голем делает реверанс, это *слышно*.

Мокриц выглянул в окно. У Почтамта стояла черная карета. Рядом стоял возница и тихонько курил.

– Он говорит, что мне назначено? – спросил Мокриц.

– Возница Говорит, Что Ему Велено Ждать, – ответила Глэдис.

– Ха!

Глэдис сделала еще один реверанс и удалилась.

Когда дверь за ней закрылась, Мокриц вернулся к кипевшим бумагам, подлежащим рассмотрению. Верхняя папка была озаглавлена «Акт заседания комиссии филиалов Почтамта», но больше было похоже на трагедию в пяти актах. Он взял со стола чашку. На чашке была надпись: «НЕ НУЖНА БЫТЬ ПСИХАМ ЧТОБЫ РАБОТАТЬ ТУТ НО ТАК ЛУЧШЕ!» Он уставился на слова, рассеянно потянулся за толстым черным пером и поставил запятые после «психам» и «работать». И

вычеркнул восклицательный знак. Мокриц ненавидел этот восклицательный знак, презирал его истошную маниакальную веселость. Этот знак как бы говорил: «Да, не нужно быть психом! Об этом позаботимся *мы!*!»

Он заставил себя дочитать акт, ловя себя на мысли, что взгляд из чувства самосохранения проскакивает целые абзацы.

Потом он приступил к еженедельным отчетам региональных отделений. Потом настала очередь комиссии по чрезвычайным происшествиям, растекшейся мыслью на многие мили.

Время от времени Мокриц поглядывал на чашку.

В двадцать девять минут двенадцатого зазвенел будильник в его настольных часах. Мокриц встал, задвинул стул, подошел к двери, досчитал до трех, открыл дверь, сказал: «Привет, Пис-Пис», как раз когда в кабинет вошел древний почтамтский кот, досчитал до девятнадцати, пока кот делал обход по комнате, сказал: «Пока, Пис-Пис», когда кот, ковыляя, вышел обратно в коридор, захлопнул за ним дверь и вернулся на прежнее место.

«Ты только что открыл дверь престарелому коту, который разучился обходить предметы, – сказал Мокриц сам себе, заводя будильник. – Ты делаешь это каждый день. Разве это поведение нормального человека? Конечно, когда он часами стоит, уткнувшись лбом в ножку стула, пока кто-нибудь его не отодвинет, – зрелище действительно печальное, но это *ты*

каждый день встаешь и отодвигаешь для него стул. Вот до чего честный труд доводит человека».

«Да, но нечестный труд чуть было не довел меня до виселицы!» – возразил он.

«Подумаешь! Виселица отнимает пару минут. Собрание комиссии пенсионного фонда отнимает вечность! Это же скука смертная! Ты по рукам и ногам скован золотистыми цепями!»

Мокриц в конце концов подошел к окну. Возница грыз печенье. Поймав на себе взгляд Мокрица, он помахал ему рукой в знак приветствия.

Мокриц чуть не отпрянул. Он поспешно сел за стол и подписывал бланки заказов пятнадцать минут кряду. Потом вышел, пошел по коридору, который привел его к центральному вестибюлю, и посмотрел вниз.

Он обещал вернуть люстры на место, и теперь обе они висели под потолком, переливаясь, как его личные созвездия. Широкие прилавки сверкали во всем своем полированном великолепии. Вокруг не стихал гул целенаправленной и в целом успешной деятельности.

У него получилось. Все жило. Это был Почтамт. И он больше не приносил радости.

Мокриц спустился в сортировочное отделение, заглянул в почтальонскую раздевалку хлебнуть за компанию черного, как деготь, чая, побродил по каретному двору, мешаясь под ногами у тех, кто занимался делом, и в конце концов побрел

обратно в свой кабинет, прогнувшись под тяжестью рутины.

По чистой случайности Мокриц выглянул из окна – с кем не бывает. Возница обедал! Обедал, черти его подери! Он поставил на тротуаре складной стульчик и разложил еду на небольшом складном столике! Большой кусок мясного пирога и бутылку пива! И даже белую скатерть постелил!

Мокриц махнул вниз по лестнице в темпе рехнувшегося чечеточника и вырвался из массивных двойных дверей на улицу. В одно насыщенное мгновение, когда он стремительным шагом шел к карете, еда, стол, скатерть и стул исчезли где-то в потайном отделении, и возница уже стоял у дверцы, открытой для Мокрица.

– Так, что все это значит? – осведомился тот, переводя дыхание. – Не могу же я весь...

– А, господин фон Липвиг, – раздался изнутри голос Витинари. – Присаживайся. Благодарю, Хаусман, госпожа Шик будет тебя ждать. *Поживее*, господин фон Липвиг, не съем же я тебя. Я только что перекусил сносным сэндвичем с сыром.

«С меня не убудет, если я просто разузнаю, что к чему». – Слова, за которыми кроется многовековой опыт набивания шишек – даже хуже, чем «От одного раза мне ничего не будет» и «Все будет нормально, если стоять смиренно».

Мокриц нырнул в полумрак. За спиной с щелчком захлопнулась дверца, и он резко обернулся.

– Да, в самом деле, – вздохнул лорд Витинари. – Она за-

крыта, господин фон Липвиг, не *заперта*. Возьми себя в руки!

Рядом с ним чинно восседал Стукпостук и держал на коленях солидный кожаный портфель.

– Чего вы хотите? – спросил Мокриц.

Лорд Витинари вскинул бровь.

– Я? Ничего. А ты чего хочешь?

– Что?

– Это же ты сел в мою карету.

– Да, мне сказали, что она тут стоит!

– А если бы тебе сказали, что она черного цвета, ты бы счел необходимым что-либо предпринять по этому поводу? Дверь прямо перед тобой, господин фон Липвиг.

– Но вы простояли здесь целое утро!

– Это общественная территория, – парировал Витинари. – А теперь *сядь*. Замечательно.

Карета дернулась и поехала.

– Ты не находишь себе места, господин фон Липвиг, – говорил Витинари. – Не думаешь о собственной безопасности. Жизнь утратила краски, не правда ли?

Мокриц не ответил.

– Поговорим об ангелах, – предложил Витинари.

– О да, что-то знакомое, – язвительно сказал Мокриц. – Вы уже рассказывали. В прошлый раз я на это купился после того, как меня повесили...

Витинари снова вскинул бровь.

– Почти повесили, согласись. На волосок от смерти.

– Да какая разница! Меня повесили! И самое обидное было – узнать потом, что этому посвятили всего два абзаца в «Вестнике Танти»!¹ Два абзаца, позволю себе заметить, о жизни виртуозного, хитроумного и в высшей степени гуманного преступника! Да с меня молодежи можно было пример брать! Всю передовицу оттяпал Дислектичный алфавитный маньяк, а он успел отработать только А и Ц!

– Да, редакция придерживается мнения, что преступление не заслуживает внимания, если жертва не была найдена в трех подворотнях одновременно, но такова цена свободной прессы. Но то, что кончина Альберта Стекляrsa осталась... не замеченной окружающими... пошло на пользу нам обоим, ты же не станешь с этим спорить?

– Нет, но я не рассчитывал на такую жизнь после смерти! Мне теперь что, до конца жизни делать все по указке?

– Поправка: новой жизни. Сказано грубо, но верно, – отвечал Витинари. – Позволь мне перефразировать. Тебя, господин фон Липвиг, впереди ждет тихая благополучная жизнь уважаемого человека, исполнение гражданского долга и, разумеется, по выслуге лет – заслуженная пенсия. Не говоря уже о почетной настоящей золотистой цепочке.

Мокриц поморщился:

¹ Периодическое издание, распространяемое по всей территории Столатских равнин и снискавшее известность благодаря своим репортажам об убийствах (чем кровожаднее, тем лучше), судебных процессах, тюремных побегах и в целом о мире меловых контуров. Очень популярная газета.

– А если я *не захочу* выполнять ваши условия?

– М-м-м? О, ты меня недопонял, господин фон Липвиг.

Это – то, что тебя ждет, если ты *откажешься* от моего предложения. А если согласишься, то будешь ловкостью ума сражаться с серьезными и опасными противниками, а каждый день будет преподносить новые испытания. Тебя даже могут попытаться убить.

– Как? Почему?

– Ты действуешь людям на нервы. Этого можно ожидать.

– И что, место денежное?

– Не то слово, господин фон Липвиг. Речь идет о должности распорядителя Королевского монетного двора.

– Это что же, целыми днями монеты бить?

– Если вкратце. Но самая серьезная задача связана с руководящим постом в Королевском банке Анк-Морпорка. Это будет составлять большую часть твоих обязанностей. Делать деньги можешь в свободное от работы время.

– *Меня? Банкиром?*

– Да, господин фон Липвиг.

– Но я понятия не имею, как управлять банком!

– Отлично. Никаких предубеждений.

– Я же *грабил* банки!

– Превосходно! Осталось только изменить мыслительный вектор. – Лорд Витинари улыбнулся. – Деньги должны оставаться *внутри*.

Карета притормозила и остановилась.

– Зачем все это? – спросил Мокриц. – Серьезно, зачем?

– Когда ты принял управление Почтамтом, он был в плачевном состоянии. Теперь почта работает безотказно. Настолько безотказно, что даже скучно. Человеку молодому и энергичному так и недолго пристраститься лазить ночами по крышам, взламывать замки из спортивного интереса и даже присматриваться к чиханию без правил. Где ты берешь отмычки, кстати говоря?

В грязном магазинчике в грязной подворотне, где не было ни души, кроме мелкой старушонки, которая продала ему отмычки. Мокриц до сих пор не понимал, зачем их купил. Противозаконны они были лишь контекстуально, но он все равно начинал радостно трепетать при мысли, что они лежали у него в кармане. Печальное зрелище. Совсем как те коммерсанты, которые ходят на работу в деловых костюмах, но повязывают разноцветные галстуки в отчаянной попытке показать, что где-то там еще остался вольный дух.

«О, боги, я стал таким же. Ну, хоть о кистене Витинари не знал».

– Все не так уж и запущено.

– А кистень? Ты же ни разу в жизни никого не ударил! Ты лазишь по крышам и подбираешь отмычки к собственному столу. Ты словно зверь в клетке, который мечтает о джунглях! Я могу дать тебе то, чего ты так жаждешь. Я могу бросить тебя ко львам.

Мокриц хотел было возразить, но Витинари жестом оста-

новил его.

– Почтамт был посмешищем, господин фон Липвиг, и ты взялся за него и превратил его в солидное предприятие. Но банки Анк-Морпорка – дело серьезное. И у ослов банкиров серьезные проблемы. Слишком часто они терпят неудачи. Они увязли в болоте, живут прошлым, они заморожены статусом и богатством, они полагают, что золото – это главное.

– А... разве не так?

– Нет. И такой вор и мошенник, как ты... прости, оговорился, каким ты был когда-то, в глубине души прекрасно это понимает. Золото было для тебя просто способом вести счет. Как золоту судить об истинной ценности? Выгляни в окно и скажи, что ты там видишь.

– Э... лохматая собачонка наблюдает за мужиком, который справляет нужду в подворотне, – ответил Мокриц. – Прошу прощения, но момент вы выбрали неудачный.

– Если бы ты понял мои слова *не так* буквально, – сказал Витинари, наградив его *взглядом*, – ты бы увидел огромный кипящий город, полный находчивых людей, которые добывают золото из обычной соломы. Они строят, конструируют, чеканят, пекут, ваяют, куют, мошенничают и измышляют необычные запутанные преступления. Но они хранят свои деньги в старых чулках. Чулкам они доверяют больше, чем банкам. Возникает искусственный дефицит монет, именно поэтому твои почтовые марки, по сути, стали новой валютой. Наша внушительная банковская система сейчас в раз-

рухе. Курам на смех, я бы сказал.

– Куры вообще животики надорвут, если поручить банк мне, – сказал Мокриц.

Витинари коротко улыбнулся ему.

– Ты считаешь? – сказал он. – Что ж, всем иногда полезно посмеяться.

Возница открыл им дверь, и они вышли на улицу.

«Почему именно храмы? – думал Мокриц, разглядывая фасад Королевского банка Анк-Морпорка. – Почему банки всегда строят по образу и подобию храмов, несмотря на то что многие церкви (а) канонически против того, что происходит в их стенах, и (б) имеют там вклады?»

Он, конечно, видел банк и раньше, но сейчас впервые удосужился на него *посмотреть*. Среди прочих денежных храмов этот был отнюдь не дурен. Архитектор, по крайней мере, сумел возвести колонну прямо и даже вовремя остановиться. Он был категорически настроен против любых намеков на ангелочков, хотя колонны и венчал величественный фриз, изображающий нечто аллегорическое, при участии дев и амфор. В большинстве ваз и даже на нескольких девах, как отметил Мокриц, гнездились птицы. С каменной груди на него поглядывал сердитый голубь.

Мокриц много раз проходил мимо этого места и никогда не замечал тут наплыва людей. А за банком находился Королевский монетный двор, который вовсе не подавал признаков жизни.

Сложно было вообразить здание более уродливое, которое не выиграло бы никакой архитектурной награды. Монетный двор был угрюмой кирпичной коробкой с массой высоких зарешеченных окон и дверями за опускаемыми воротами. Вся постройка как бы обращалась к людям со словами: «Даже не думайте».

Мокриц даже не думал вплоть до этого момента. Это же монетный двор. В таком месте тебя ухватят за пятки и потрясут, подставив ведро, прежде чем выпустить за порог. А еще там была охрана и острые решетки.

И Витинари хотел сделать его здесь начальником. В такой бочке меда где-то должна быть *огромная* ложка дегтя.

– А скажите, милорд, – начал он осторожно, – что случилось с человеком, который занимал этот пост до сих пор?

– Так и думал, что ты спросишь, поэтому я навел справки. Умер в возрасте девяноста лет от разрыва сердца.

Звучало не так уж плохо, но Мокриц был научен опытом и продолжил расспросы:

– Еще какие-нибудь смерти в последнее время?

– Сэр Джошуа Шик, председатель банка. Умер полгода назад в собственной постели в возрасте восьмидесяти лет.

– Есть много самых неприятных способов умереть в собственной постели, – отметил Мокриц.

– Не сомневаюсь. Однако этот джентльмен скончался в объятиях молодой женщины, известной как Карамелька, после большой порции пряных устриц. Насколько это было

неприятно, увы, мы уже никогда не узнаем.

– Это была его жена? В собственной постели, вы сказали...

– У него были апартаменты в банке, – объяснил Витинари. – Традиционный бонус, который приходился как нельзя кстати, когда он... – здесь Витинари на долю секунды задумался, – ...задерживался на работе. Госпожа Шик в это время отсутствовала.

– Если он сэр, разве она не должна быть леди? – спросил Мокриц.

– Характерная черта госпожи Шик состоит в том, что ей не нравится быть леди, – объяснил Витинари. – И я уважаю ее желание.

– И часто он «задерживался на работе»? – спросил Мокриц, явственно обозначив кавычки.

– С поразительным для его возраста постоянством, насколько мне известно.

– Неужели? Знаете, я, кажется, припоминаю некролог в «Правде», и там не было *этих* подробностей.

– Подумать только, до чего дошла пресса.

Витинари повернулся и оглядел оба здания.

– Если выбирать, я бы предпочел прямоту монетного двора, – решил патриций. – Он так и скалится на окружающий мир. А ты что скажешь, господин фон Липвиг?

– Что это за золотая штукovina там торчит из крыши? – спросил Мокриц. – Как будто огромная монета застряла в

щели копилки.

– Как ни странно, раньше ее так и называли: Мелкой Монетой, – ответил Витинари. – Это топчак, который приводит в действие чеканочный пресс и другие машины. Когда-то его приводили в движение арестанты, когда «общественные работы» были не просто пустым словом. Точнее, двумя. Впрочем, это считалось жестоким и изощренным наказанием, что свидетельствует скорее о скудости человеческого воображения. Зайдем внутрь?

– Послушайте, сэр, что я-то, по-вашему, могу сделать? – спросил Мокриц, когда они поднимались по мраморным ступеням. – О банках я еще кое-что знаю, но как прикажете управлять монетным двором?

Витинари пожал плечами.

– Понятия не имею. Там работают люди, наверное, они дергают какие-то рычаги, а кто-то указывает им, сколько раз и когда остановиться.

– Но почему меня могут попытаться убить?

– Откуда мне знать, господин фон Липвиг? Но на твою жизнь было совершено как минимум одно покушение, когда ты занимался безобидной доставкой почты, и я предполагаю, что твоя банковская карьера будет весьма захватывающей.

Они поднялись на крыльцо. Пожилой человек в мундире, который мог бы сойти за генеральский в какой-нибудь ненадежной армии, распахнул перед ними дверь.

Лорд Витинари жестом пригласил Мокрица войти пер-

ВЫМ.

– Я просто осмотрюсь тут, ясно? – заявил Мокриц, споткнувшись о порог. – У меня совершенно не было времени ничего обдумать.

– Понимаю, – ответил Витинари.

– И я ни к чему себя этим не обязываю?

– Ни к чему.

Он опустился на кожаный диван, подзывая Мокрица сесть рядом. Предупредительный Стукпостук был тут как тут, прямо за спиной патриция.

– В банках всегда приятно пахнет, не находишь? – спросил Витинари. – Смесь полироли, чернил и богатства.

– И утяжательства, – добавил Мокриц.

– Какая жестокость по отношению к утятам. Ты, наверное, имеешь в виду стяжательство. Церкви сегодня уже почти ничего не имеют против. И кстати, только нынешний председатель банка осведомлен о моих намерениях. Для всех остальных сегодня ты проводишь инспекцию по моему поручению. Оно и к лучшему, что на тебе нет твоего знаменитого золотого костюма.

В банке царил полушепот. Часть звуков просто терялась под высоченными потолками, и к тому же людям свойственно понижать голос в присутствии больших денежных сумм. В изобилии были представлены красный бархат и латунь. Повсюду висели портреты деловых людей во фраках. Иногда по белому мраморному полу прокатывалось эхо шагов, но

тут же замолкало, стоило ступить на островок ковра. А большие столы были обтянуты кожей зеленого цвета. С самого детства зеленая кожаная обивка на столах символизировала для Мокрица *богатство*. Красная кожа? Пф! Это для позеров и выскочек. Зеленая кожа означала, что ты всего добился от жизни и предки твои добились. Если кожа была немного потертой, это еще больше усиливало эффект.

На стене за стойкой тикали большие часы, окруженные ангелочками. Присутствие лорда Витинари навело шороху. Сотрудники подталкивали друг друга и выразительно смотрели в его сторону.

Мокриц подумал, что в действительности они не должны были так сразу обращать на себя внимание. Его природа наградила внешностью, которая позволяла сливаться с толпой, даже когда он стоял в двух шагах от наблюдателя. Он не был уродлив, он не был красив, он просто был до того незапоминающимся, что иногда сам себе удивлялся во время бритья. Витинари носил все черное, а это не самый кричащий цвет. Но его присутствие было сродни свинцовому шарикуну на каучуковой поверхности: оно искажало пространство вокруг себя. Люди могли не замечать его, но они чувствовали его присутствие.

Теперь они шептали в переговорные трубы. В банке был патриций, и никто не вышел официально его поприветствовать! Это грозило неприятностями!

– Как поживает госпожа Ласка? – поинтересовался Ви-

тинари, словно не замечая нарастающего беспокойства.

– В отъезде, – отрубил Мокриц.

– А, понимаю, трест обнаружил очередного погребенного голема?

– Да.

– И он все еще исполняет приказы, отданные тысячи лет назад?

– Вероятно. В какой-то глуши.

– Неутомимая женщина, – радостно произнес Витинари. – Целый народ воскресает, поднимается из темноты на свет, чтобы вращать колеса торговли ради общего блага. Совсем как ты, господин фон Липвиг. Она делает очень полезное для города дело. Для города и для «Треста Големов».

– Да, – отозвался Мокриц, решив пропустить мимо ушей замечание о воскрешении.

– Ты как будто бы не согласен.

– Ну... – Мокриц стушевался, но отвечал: – Вечно она куда-то летит, потому что в какой-нибудь древней канализации обнаружили очередного голема...

– Летит не к тебе то есть?

– А в этот раз ее нет уже несколько недель, – продолжал Мокриц, проигнорировав комментарий, потому что Витинари, в общем, был прав. – И она не хочет признаваться, в чем дело. Только говорит, что это что-то очень важное. Что-то новое.

– Похоже, она занялась разработкой месторождения, –

сказал Витинари. Он стал ритмично постукивать тростью по мраморному полу. Каждый удар отдавался звонким эхом. – Мне стало известно, что големы якобы занялись раскопками на гномьей земле по эту сторону Химерии, недалеко от торговой дороги. К превеликому, замечу, интересу гномов. Король сдал участок тресту внаем и хочет удостовериться, что ничего не пройдет мимо него.

– У нее неприятности?

– У госпожи Ласски? Ничуть. Зная ее, не исключено, что это у короля гномов неприятности. Надо сказать, она весьма... уравновешенная девушка.

– Ха! Вы и понятия не имеете насколько.

Мокриц решил, что нужно отправить Доре Гае клик-сообщение, как только он освободится. Ситуация с големами снова накалялась, и гильдии жаловались, что те отнимают у них рабочие места. Ей пора было возвращаться... к големам, разумеется.

Послышался тихий звук. Он доносился снизу и напоминал не то шум пузырьков воздуха в жидкости, не то характерное бульканье воды, льющейся из бутылки.

– Вы это слышите?

– Да.

– Знаете, что это?

– Будущее экономического планирования, – ответил лорд Витинари с видом если не взволнованным, то, во всяком случае, непривычно озадаченным. – Наверное, что-то стряс-

лось, – проговорил он. – Господин Бент обычно выскальзывает в холл через считанные секунды после моего прихода. Надеюсь, с ним не приключилось ничего невеселого.

В дальнем конце холла разъехались двери большого лифта, и из них вышел человек. Долю секунды человек был взволнован и расстроен, что, вероятно, осталось не замеченным теми, кому никогда не приходилось читать лица из профессиональной необходимости, но это моментально прошло, он поправил запонки и нацепил на лицо благодушную улыбку человека, который вот-вот останется с твоими деньгами.

Господин Бент был во всех отношениях гладким и отутюженным. Мокриц ожидал увидеть на нем традиционный банкирский фрак, но он был одет в хорошо скроенный черный пиджак и брюки в полосочку. А еще господин Бент был неслышным. Его ступни, бесшумные даже на мраморе, казались необычайно крупными для такого щеголя, зато туфли, черные, лакированные и блестящие, как зеркало, были отлично пошиты. Возможно, ему хотелось покрасоваться ими, потому что он ступал, как лошадь на выезде, старательно отрывая каждую ногу от пола, прежде чем снова ее поставить. За исключением этой несообразности, господин Бент производил впечатление человека, который тихо пережидает в уголке, когда в нем нет необходимости.

– Лорд Витинари! Прошу прощения! – залепетал он. – Увы, было неоконченное дело...

Лорд Витинари встал.

– Господин Маволио Бент, позволь представить тебе господина Мокрица фон Липвига, – сказал он. – Господин Бент наш старший кассир.

– Ага! Изобретатель революционной необеспеченной однопенсовой банкноты? – Бент протянул Мокрицу худосочную руку. – Какая дерзость! Очень рад встрече, господин фон Липвиг.

– Однопенсовая банкнота? – переспросил Мокриц озадаченно. Господин Бент, несмотря на горячее приветствие, выглядел совсем не радостно.

– Ты меня совсем не слушал? – спросил Витинари. – Речь о *марках*, господин фон Липвиг.

– Валюта *де-факто*, – сказал Бент, и в голове у Мокрица все стало на свои места. Что ж, как ни крути, это было правдой. По его мысли марки должны были крепиться на письма, но люди в своей простодушии решили, что однопенсовая марка была просто облегченной и утвержденной правительством версией однопенсовой монеты, которую к тому же *можно было вложить в конверт*. Страницы газет были испещрены рекламными объявлениями организаций, которых развелось как сорняков на почве заманчиво компактных почтовых марок: «Познай глубинные секреты мироздания! Пришли 8 п. марок – и получи наш буклет!» Марки циркулировали вместо валюты, и многие из них так никогда не побывали изнутри почтового ящика.

Только что-то в улыбке Бента раздражало Мокрица. Вблизи она уже не казалась такой приветливой.

– А что значит «необеспеченная»?

– Что удостоверяет ваши притязания на то, что марка стоит пенни?

– Ну, если приклеить ее на письмо, ровно на столько оно уедет, – ответил Мокриц. – Не вижу, к чему ты...

– Господин Бент принадлежит к числу тех, кто свято верит в превосходство золота, господин фон Липвиг, – сказал Витинари. – Уверен, вы быстро найдете общий язык, как гномы с троллями. Здесь я тебя покину и буду с нетерпением ждать твоего, кхм, *положительного* ответа. Пойдем, Стукпостук. Господин фон Липвиг, заглянешь ко мне завтра, договорились?

Мокриц и Бент проводили их взглядами. Потом Бент посмотрел на Мокрица в упор.

– Полагаю, мне стоит все вам тут показать... сэръ, – сказал он.

– Что-то мне подсказывает, что мы начали наше знакомство не лучшим образом, господин Бент, – сказал Мокриц.

Бент пожал плечами – впечатляющий маневр для такой поджарой фигуры. Как будто гладильная доска грозилась развернуться.

– Вы не давали поводов сомневаться в вас, господин фон Липвиг. Но мне кажется, что председатель банка и лорд Витинари затеяли опасную игру, а вы у них пешка, господин

фон Липвиг, вы их инструмент.

– Речь о новом председателе?

– Совершенно верно.

– Не испытываю ни особого желания, ни намерения быть чьей-либо пешкой, – сказал Мокриц.

– Похвально, сэр, но происходящее происходит...

Снизу послышался звон разбитого стекла и чей-то приглушенный крик: «Проклятье! Вот тебе и платежный баланс!»

– А приступим, пожалуй, к осмотру! – весело заявил Мокриц. – Начиная с того, что это сейчас было?

– Эта мерзость? – Бент содрогнулся. – Давайте отложим это, пока Хьюберт не приберется. О, вы только посмотрите. Какой кошмар...

Господин Бент пересек холл и остановился под большими парадными часами. Он посверлил их взглядом, как будто те нанесли ему смертельное оскорбление, и щелкнул пальцами, хотя один младший клерк уже мчался к нему со стремянкой. Господин Бент поднялся на лесенку, открыл циферблат и подвинул длинную стрелку на две секунды вперед. Часы тут же были захлопнуты, стремянка собрана, и счетовод вернулся к Мокрицу, поправляя запонки.

Он смерил Мокрица взглядом:

– Они отстают на минуту за неделю. Я один нахожу это оскорбительным? Увы, похоже на то. Начнем с золота, что скажете?

– О да, – сказал Мокриц. – Начнем.

Глава 2

Обещание золота – Люди из подсобок – Сколько стоит пенни и зачем нужны вдовы – Накладные такие накладные – Охрана и серьезный подход к безопасности – Обаяние транзакций – Сын многих отцов – Мнимая ненадежность ввиду воспламенившегося исподнего – Панорама мира и слепота господина Бенга – Сводная интерпретация

– Я как-то ожидал чего-то... большего, – протянул Мокриц, заглядывая через железные прутья в небольшое помещение, где хранилось золото. В раскрытых мешках и ящиках металл тускло мерцал в свете фонаря.

– Здесь почти десять тонн золота, – сказал Бенг с укоризной. – Ему необязательно выглядеть больше.

– Но все эти слитки и мешки размером выходят чуть больше письменного стола!

– Золото очень тяжелое, господин фон Липвиг. Эталонный металл, и без малейших примесей, – сказал Бенг. Левый его глаз дернулся. – Металл, который никогда не утратит своей славы.

– В самом деле? – спросил Мокриц, проверяя, не заперты ли выход.

– И к тому же единственная основа для стабильной финансовой системы, – продолжал господин Бенг, а свет фона-

ря отражался от слитков и золотил его лицо. – В нем ценность! В нем достоинство! Без золотого якоря наступит хаос!

– Почему?

– Кто тогда определит ценность доллара?

– Но наши доллары ведь и так не из чистого золота?

– А, ну да. *Цвета* золота, если хотите, – сказал Бент. – Так, золотистые, в морской воде золота и то больше. Мы фальсифицируем собственную валюту! Какой позор! Нет более тяжкого преступления, чем это! – Глаз его снова дернулся.

– А... убийство? – предположил Мокриц. Да, дверь по-прежнему была открыта.

Господин Бент только отмахнулся.

– Убийство – вещь однократная, – сказал он. – А когда доверие к золоту оказывается подорвано, воцаряется хаос. Но нам пришлось на это пойти. Пусть эти богомерзкие монеты просто золотистые, зато это прочный символ настоящего золотого запаса. В своем убожестве они хотя бы констатируют главенство золота и нашу независимость от правительственных махинаций! Конкретно здесь хранится золота больше, чем в любом другом городском банке, и я единственный обладатель ключа от этих дверей! Ну и председатель, конечно, – прибавил он запоздало с явной завистью и неохотой.

– Я где-то читал, что монета – это символическое обещание банка выдать в обмен на нее доллар золота, – подсказал Мокриц.

Господин Бент сцепил руки в замок под носом и возвел

глаза к небу, словно бы молясь.

– Теоретически да, – ответил он чуть погодя. – Я предпочитаю называть это неписанным соглашением: мы *не нарушим* нашего обещания обменять монету на золото, при том, конечно, условии, что на деле нас об этом просить не станут.

– То есть... это никакое не обещание?

– Разумеется, обещание, сэр, в финансовых кругах. В конце концов, все дело в доверии.

– То есть как это... у нас высокое шикарное здание – доверяйте нам?

– Вы вот шутите, господин фон Липвиг, но в ваших словах есть доля правды, – вздохнул Бент. – Понимаю, вам еще многому предстоит научиться. Вам повезло, что у вас есть я. Думаю, теперь вам будет интересно взглянуть на монетный двор. Все всегда хотят взглянуть на монетный двор. Сейчас двадцать семь минут и тридцать шесть секунд второго, так что обед уже должен подойти к концу.

Монетный двор напоминал собой пещеру. Это Мокрица порадовало. Монетный двор и должен освещаться живым огнем.

Главный холл был разбит на три яруса, в ряды зарешеченных окон понемногу проникал серый дневной свет. На этом базовая архитектура заканчивалась, и начинались подсобки.

Они были пристроены к стенам, они лепились как ласточкины гнезда к потолку, и к ним были приставлены деревян-

ные лесенки сомнительной прочности. На неровном полу стоял целый поселок из подсобок, расположенных как попало, абсолютно разных на вид, неизменно защищенных крышами на невероятный случай дождя. В густом воздухе мягко струился дымок. У одной стены горел рыжим пламенем кузнечный горн, создавая в помещении аутентичную атмосферу преисподней. Так должен выглядеть посмертный пункт назначения для грешников, совершавших мелкие и скучные грехи.

Но все это отступало на задний план. Центральным предметом интерьера была Мелкая Монета. Колесо было... своеобразным.

Мокрицу и раньше доводилось видеть топчаки. Такое колесо было в Танти – там заключенным, хотели они того или нет, давали возможность укреплять сердечно-сосудистую систему. Мокриц попотел там пару раз, пока не сообразил, как перехитрить систему. То была монструозная штука, тесная, массивная и гнетущая. Мелкая Монета была намного больше, но на первый взгляд как будто бы вовсе отсутствовала. Железный обруч издали казался до ужаса тонким. Мокриц сначала силился разглядеть спицы, но сообразил, что их там и не было, а вместо них были натянуты сотни тонких тросов.

– Я вроде и понимаю, что оно в рабочем состоянии, но... – начал он, разглядывая огромную коробку передач.

– Все в отличном состоянии, можно не сомневаться, – от-

ветил Бент. – Там работает голем, который вращает колесо при необходимости.

– Но оно же вот-вот рассыпется!

– Вы полагаете? Я не компетентен что-либо на это ответить, сэр. А, вот и они...

Со всех подсобок и из дверей в хвосте здания к ним начали сходитья фигуры. Они шли медленно, настойчиво, видя перед собой одну ясную цель, как живые мертвецы.

В итоге Мокриц стал называть их про себя «люди из подсобок». Не все они были старыми, но даже самые молодые из них как будто с юных лет приняли обличье среднего возраста. Оказывается, чтобы получить работу на монетном дворе, нужно было дожидаться, пока кто-нибудь умрет – подсобки, можно считать, передавались по наследству. Скрашивало такое мрачное положение дел то, что, когда вакансия открывалась, работу мог получить даже тот, кто был лишь немногим живее ее предыдущего обладателя.

Люди из подсобок работали в шлифовальной подсобке, фрезеровочной подсобке, отделочной подсобке, литейном цехе (две подсобки), службе безопасности (одна, но очень большая) и складской подсобке, которая была закрыта таким замком, что Мокриц открыл бы его одним чихом. Остальные подсобки оставались загадкой и, вероятно, были построены на всякий пожарный, вдруг кому-то в срочном порядке понадобится своя подсобка.

У людей из подсобок было и то, что здесь сходило за име-

на: Альф, Альф Младший, Индюк, Малыш Чарли, Король Генри... но у того, кто служил их посредником для общения с внешним миром, имелось полное имя.

– А это господин Теневик Восемнадцатый, господин фон Липвиг, – представил Бент. – Господин фон Липвиг... с визитом.

– Восемнадцатый? – переспросил Мокриц. – Вас таких еще семнадцать штук?

– Уже нет, господин, – ухмыльнулся Теневик.

– Господин Теневик – потомственный бригадир, сэра, – объяснил Бент.

– Потомственный бригадир... – тупо повторил Мокриц.

– Так и есть, господин, – сказал Теневик. – Господин фон Липвиг желает послушать историю?

– Нет, – заявил Бент категорично.

– Да, – заявил Мокриц, принимая его «категорично» и повышая до «выразительно».

– О нет, он, видимо, желает, – вздохнул Бент.

Господин Теневик улыбнулся.

Это была очень пространная история, и на ее рассказ ушло некоторое время. Мокрицу показалось, что успел бы пройти ледниковый период. Слова сыпались на него, как град, и некоторые, как град, оставляли отпечатки. Должность потомственного бригадира была учреждена сотни лет тому назад, когда распорядителем монетного двора становился по благу собутыльник текущего короля или патриция, и он ис-

пользовал ее как кормушку и не ударял палец о палец, только иногда объявляясь с большим мешком, похмельем и многозначительным видом. Должность бригадира придумали, когда наконец стало доходить, что кому-то нужно вести дела, и желательно трезвым.

– То есть, по сути, главный здесь ты? – быстро вставил Мокриц, чтобы перекрыть поток ужасно интересных фактов о деньгах.

– Так и есть, господин. Временно. У нас уже сто лет не было распорядителя.

– И кто платит вам жалованье?

Повисла пауза, и потом господин Теневик ответил, обращаясь к нему, как к ребенку:

– Это монетный двор, господин.

– Вы сами изготавливаете себе жалованье?

– А кто ж еще, господин? У нас все официально, правда, господин Бент? У него и квитанции есть. Мы обходимся без посредников, вот и все.

– Зато дело у вас прибыльное, – оживился Мокриц. – Деньги небось лопатой гребете!

– В ноль с горем пополам выходим, господин, – ответил Теневик, как будто это было одно и то же.

– В ноль? Вы же монетный двор! – удивился Мокриц. – Как можно не получать прибыль, делая деньги?

– Да все эти накладные расходы, господин, – объяснил Теневик.

– Что, накладно?

– Не то слово, господин, – сказал Теневик. – Гиблое дело, гиблое. Понимаешь, какая штука, изготовить фартинг стоит полпенни, и пенни – изготовить полпенни. А пенни обходится в один пенни с фартингом. А шестипенсовик идет по два пенни фартинг, так что тут мы с прибылью. Полдоллара стоят семь пенсов, а на один доллар уходит всего шесть пенсов, уже прогресс, но это потому, что мы их прямо тут и чеканим. Самая засада с мелочью, там каких-то полфартинга выходят в шесть пенсов, потому что работа кропотливая, они ж мелкие, заразы, еще и с дырочкой. Трехпенсовики – их у нас только пара ребят чеканит, куча работы, аж в семь пенсов обходится. О двухпенсовиках даже и говорить нечего!

– А что с двухпенсовиками?

– А я тебе скажу, что с двухпенсовиками! Когда сработано на совесть, оно обходится в семь целых и одну шестнадцатую пенса! И да, одна шестнадцатая пенса, бывает и такое, элим называется.

– Впервые о таком слышу!

– Ну откуда бы тебе слышать, такому джентльмену, но и такое бывает, господин. Прекрасная вещичка, филигранные детали! Чеканятся, согласно обычаю, вдовами, стоят по целому шиллингу, потому что работа больно тонкая. У старушек на каждую такую монетку по несколько дней уходит, сам понимаешь, зрение уже не то и всё такое, зато они пользу обществу приносят, им приятно.

– Но шестнадцатая часть пенни? Четверть фартинга? Что на это можно купить?

– Ты удивишься, господин, но есть места. Огарок свечи, картофелину – почти негнилую, – сказал Теневик. – Может, огрызок яблока, на котором даже что-то осталось. И, конечно, удобно бросать в ящики для пожертвований.

«И золото – это якорь?» – подумал Мокриц.

Он окинул взглядом просторное помещение. Тут работало порядка дюжины человек, если считать за человека и голема, к которым Мокриц научился относиться как к людям «по причине ценности, эквивалентной человеческой», и прыщавого юнца, разносившего чай, – его Мокриц не считал.

– Рабочих у вас совсем не много, – заметил он.

– Ну, тут-то мы делаем только серебряные и золотые...

– Золотистые, – быстро поправил Бент.

– ...золотистые монеты. И всякие редкости вроде медалей. Еще делаем заготовки для медяков, а все остальное делают внештатные сотрудники.

– Внештатные сотрудники? При монетном дворе?

– Так и есть, господин. Вдовы опять же. Работают на дому. Ха, ты что же, решил, что эти старушенции будут сюда таскаться? Да им две клюки нужно, чтобы на крыльцо выйти!

– Монетный двор – предприятие, где производят деньги, – обеспечивает население работой *на дому*? Не спорю, это очень прогрессивно, но... то есть тебе самому это не ка-

жется странным?

– Да боги с тобой, господин, есть такие семейства, которые из поколения в поколение исправно делают по паре медяков за вечер! – рассказывал Теневик со счастливым видом. – Папаша чеканит, мамаша шлифует, детишки зачищают и полируют... таков обычай. Наши внештатные сотрудники – все как одна большая семья.

– Допустим, но каковы гарантии?

– Если они украдут хоть фартинг, то будут повешены, – сказал Бент. – Это расценивается как государственная измена.

– Это в какой же ты семье вырос? – ужаснулся Мокриц.

– Надо сказать, до такого никогда не доходило, потому что они не изменщики, – сказал Теневик, недобро глядя на Бента.

– А раньше в качестве первого предупреждения отрубали руку, – добавил этот семьянин.

– И сколько денег они получают? – спросил Мокриц осторожно, влезая между ними. – В смысле жалованья?

– Около пятнадцати долларов в месяц. Это кропотливый труд, – сказал Теневик. – Старушки, бывает, поменьше. Элимы часто идут в брак.

Мокриц поднял взгляд на Мелкую Монету. Она возвышалась над бетонной коробкой и вопреки своим размерам казалась хрупкой, как паутинка. Внутри колеса мерно шагал одинокий голем с грифельной доской на шее – это значит, он

был из тех големов, которые еще не умели говорить. Мокриц задался вопросом, знают ли о нем в «Тресте Големов». Они там неплохо поднатерели в поисках големов.

Пока он смотрел, колесо постепенно остановило ход. Безмолвный голем замер.

– Ответь мне, – обратился Мокриц к бригадиру, – к чему возиться с золотистыми монетами? Почему бы не делать доллары, я не знаю, прямо из золота? Много у вас остается настрига и оплавки?

– Удивляюсь, как это джентльмен вроде тебя знает такие вещи, господин, – ответил тот ошеломленно.

– Меня живо интересует криминальная психология, – ответил Мокриц чуть быстрее, чем рассчитывал. И он не врал. Для самоанализа нужен особый талант.

– Здорово, господин. Ну да, ну да, знаем мы и эти хитрости, и многие другие! Мы это все проходили, вот те слово. И покраска, и наплавка, и забивка. Даже перечеканка с примесью желтой меди – чистейшая работа. Вот клянусь, господин, иной человек два дня будет хитрить и из кожи вон лезть, чтобы заработать столько денег, сколько можно получить честным трудом за один!

– Не может быть! Правда?

– Чтоб мне провалиться, господин, – подтвердил Теневик. – И какой нормальный человек станет этим заниматься?

«Еще совсем недавно – я бы стал, – подумал Мокриц. – Тогда было *веселее*».

– Я даже не знаю, – ответил он.

– В общем, в городском совете решили, чтобы доллары были золотистыми – ну а так, латунные они по большей части, потому что блестят красиво. Да, и их подделывают, но тут легко ошибиться, а Стража спуска никому не дает, ну, и золото хотя бы никто не таскает, – сказал Теневик. – Вопросы есть, господин? А то, понимаешь, нам тут еще закончить надо до звонка, ведь если мы задержимся, то придется еще наделать денег, чтобы выплатить себе сверхурочные, а парни к ночи уже устанут, вот и выйдет, что мы будем зарабатывать деньги быстрее, чем успевать их делать, что может привести к ситуации, которую я иначе как дилеммой назвать не могу...

– Хочешь сказать, когда вы работаете сверхурочно, вам приходится работать сверхурочно, чтобы получить сверхурочные? – спросил Мокриц, по-прежнему недоумевая, до чего нелогичным может быть логическое мышление, если за ним стоит достаточно большая организация.

– Именно, господин, – ответил Теневик. – И это верный путь к безумию.

– И очень короткий, – кивнул Мокриц. – У меня только один вопрос, если не возражаешь. Как у вас обстоят дела с охраной?

Бент откашлялся:

– На монетный двор невозможно проникнуть снаружи после закрытия банка. По соглашению со Стражей, стражники

не при исполнении по ночам патрулируют оба здания вместе с нашими собственными охранниками. Все, конечно, носят банковскую охранную униформу, потому что доспехи у Стражи никуда не годятся, зато их офицеры обеспечивают профессиональный подход, если вы понимаете.

«Ага, – подумал Мокриц, чье взаимодействие со стражами правопорядка было гораздо более плотным, нежели у Бента. – Деньги, *возможно*, и будут в безопасности, но, бьюсь об заклад, расход кофе и карандашей у них неимоверный».

– Я скорее имел в виду... в течение дня, – уточнил он. Люди из подсобок смотрели на него непонимающими взглядами.

– Ах, *это*, – протянул Теневик. – С этим мы сами справляемся. Дежурим. На этой неделе за охрану у нас Малыш Чарли. Чарли, покажи ему свой жезл!

Чарли достал из-под шинели большую палку и стеснительно поднял ее вверх.

– Раньше у нас был еще и значок, но мы его потеряли, – сказал Теневик. – Но это мелочи, мы ведь и так знаем, кто у нас охранник. А перед уходом он всегда напоминает нам ничего не красть.

Повисла тишина.

– Что ж, больше вопросов не имею, – сказал Мокриц, потирая руки. – Благодарю, господа!

И они разошлись, все по своим подсобкам.

– Не думаю, что много, – проронил господин Бент, про-

вожая их взглядом.

– Хм? – переспросил Мокриц.

– Вам, наверное, любопытно, сколько денег уходит отсюда вместе с ними.

– Хм, да.

– Не думаю, что много. Говорят, со временем деньги становятся для них просто... вещью, – сказал главный кассир, провожая Мокрица обратно в банк.

– Сделать пенни стоит дороже пенни, – пробормотал Мокриц. – Мне одному кажется, что что-то тут не так?

– Зато когда пенни уже сделан, он *продолжает* быть пенни. В этом его очарование.

– Разве? Это – медный кругляшок. Какие у него еще варианты?

– Любые, – ответил Бент без запинки. – Он может стать яблоком, оглоблей от телеги, парой шнурков, пучком сена, часом театрального представления. Может даже стать маркой и отправить письмо, господин фон Липвиг. Его могут потратить триста раз, а он – вот оно, самое интересное – так и останется одним пенни, готовым уйти в оборот снова и снова. Это вам не яблоко, которое вскоре испортится. Его ценность стабильна и непоколебима. Его нельзя поглотить. – В глазах господина Бента блеснул опасный огонек, и один глаз дернулся. – А все потому, что если копнуть глубже, то стоит он малую толику того самого вечного золота!

– Но это просто кусок металла. Если бы мы использовали

яблоки вместо монет, то яблоки хотя бы можно было есть, – сказал Мокриц.

– Да, но яблоко можно съесть лишь однажды. А пенни – это в своем роде нескончаемое яблоко.

– Которое нельзя съесть. А из яблока можно вырастить дерево.

– И деньги можно использовать, чтобы получить больше денег.

– Да, но откуда получить больше золота? Алхимики разводят руками, гномы не отдают то, что есть у них, агатяне своим тоже не поделятся. Почему не перейти на серебряный стандарт? Так делают в Бангбангдуке.

– Конечно, делают, они же иностранцы, – сказал Бент. – Но серебро чернеет. Золото – единственный нетускнеющий металл. – И снова этот тик: золото явно вцепилось в него мертвой хваткой. – Вы уже достаточно насмотрелись, господин фон Липвиг?

– Даже немного слишком.

– Тогда следуйте за мной, я познакомлю вас с председателем.

Следуя за отрывисто шагавшим господином Бентом, Мокриц поднялся на два пролета мраморной лестницы и пошел за ним по коридору. Они остановились у двойных дверей темного дерева, и господин Бент постучал, и не один раз, а перестуком, похожим на условный знак. Потом он очень осторожно отворил дверь.

Просторный председательский кабинет был неброско обставлен дорогой мебелью. Наличествовали в изобилии бронза и латунь. Не исключено, что последнее из дошедших до наших дней дерево исчезающей экзотической породы было срублено и пущено на председательский стол, таких размеров, что в нем можно было кого-нибудь похоронить. О таком столе можно было только мечтать. Он отливал темно-темно-зеленым и воплощал собой властность и неподкупность. Мокриц ни минуты не сомневался, что стол врал.

В латунном лотке для документов сидела крошечная собачонка, но только после слов Бента «Господин фон Липвиг, госпожа председатель» Мокриц понял, что за столом сидел кто-то еще. Над столом едва виднелась голова миниатюрной престарелой седовласой дамы. На столе по обе стороны от нее сверкали стальным блеском в этой обители золота два заряженных арбалета на шарнирах. Дама только что сняла с рукояток свои худые ручонки.

– Ах, какое счастье, – защебетала она. – Я – госпожа Шик. Присаживайся, господин фон Липвиг.

Он присел, стараясь оставаться за пределами радиуса поражения, и собачонка соскочила к нему на колени с бурным, но небезопасным для его паха энтузиазмом.

Это была самая крохотная и уродливая собачонка, какую Мокрицу доводилось видеть. Она смахивала на аквариумную рыбку с вечно выпученными глазами, которые грозили выскочить из орбит. Нос у собаки, напротив, был как будто

вдавлен. Она громко сопела, и у нее были кривые лапы, которые наверняка заплетались при ходьбе.

– Это Шалопай, – сказала дама. – Обычно он не любит посторонних. Впечатляюще, господин фон Липвиг.

– Здравствуй, Шалопай, – сказал Мокриц.

Шавка тьякнула и покрыла лицо Мокрица отборными слюнями.

– Ты ему нравишься, – отметила госпожа Шик с одобрением. – Попробуй угадать породу.

Мокриц вырос среди собак и хорошо разбирался в породах, но в случае Шалопая он не знал, что и сказать. Он решил говорить прямо.

– Все сразу? – предположил он.

Госпожа Шик рассмеялась, и ее смех звучал лет на шестьдесят моложе ее самой.

– Совершенно верно! Его мать была мопстерьером, в прошлом очень популярная порода в королевских домах, но однажды она убежала, всю ночь стоял дикий лай, так что, боюсь, Шалопай, бедняжка, дитя многих отцов.

Шалопай обратил свои проникновенные глаза на Мокрица, и у него на морде появилось напряженное выражение.

– Бент, у Шалопая возникли затруднения, – сказала госпожа Шик. – Будь добр, своди его в сад на прогулку. Мне кажется, младшие клерки уделяют ему слишком мало времени.

Мрачные тучи стремительно промелькнули на лице старшего кассира, но он послушно снял с крючка красный пово-

док.

Пес зарычал.

Бент взял пару плотных кожаных перчаток и ловко натянул их. Под нарастающее рычание он осторожным движением подобрал собаку и взял ее под мышку. Не проронив ни слова, он удалился.

– Значит, ты и есть знаменитый главный почтмейстер, – сказала госпожа Шик. – Человек в золотом костюме. Но, вижу, не сегодня. Подойди сюда, юноша, дай погляжу на тебя при свете.

Мокриц подошел, и старушка неуклюже встала из-за стола, обеими руками опираясь на тросточки с набалдашниками из слоновой кости. Поднявшись, она отбросила одну трость и ухватила его за подбородок. Старушка пристально вглядывалась в Мокрица, так и эдак поворачивая его голову.

– Хм, – сказала она, отступив назад. – Так я и думала...

Второй тростью Мокрица ударило по ногам и подкосило, как травинку. Он распластался на ворсистом ковре госпожи Шик, которая тем временем торжествующе продолжала:

– Ты вор, жулик, аферист и вообще прохиндей! Сознавайся!

– Вовсе нет! – слабо запротестовал Мокриц.

– И лжец в придачу, – веселилась госпожа Шик. – Еще и самозванец небось! О, избавь меня от этого невинного взгляда. Я назвала тебя плутом, господин! Я бы тебе и ведра воды не доверила, даже если бы у меня исподнее загорелось!

Она с силой ткнула Мокрица палкой в грудь.

– Ну и что ты тут разлегся? – фыркнула она. – А ну-ка подъем. Я же не сказала, что ты мне не нравишься!

Голова у Мокрица шла кругом, но он осторожно поднялся с пола.

– Дай руку, – сказала госпожа Шик. – Господин почтмейстер, ты – настоящая находка! Дай сюда, говорю!

– Что? А... – Мокриц взял старушку за руку. Все равно что обменяться рукопожатием с холодным пергаментом.

Госпожа Шик рассмеялась:

– Да, да! Точь-в-точь решительная и ободряющая хватка моего покойного супруга. Ни один честный человек не может похвастаться таким честным рукопожатием. И как ты до сих пор не открыл для себя финансовый сектор?

Мокриц огляделся. Они были одни, ноги у него болели, а некоторых людей невозможно провести. Понятно, с кем он имеет дело. «Бойкая старушонка», модель № 1, характеристики: гусиная шея, беззастенчивое чувство юмора, азарт при нанесении незначительного физического вреда, склонность прямо выражаться, умение строить диалоги и, что важно отметить, глазки. Ни за что не признает «леди». Попробует все, что не будет грозить падением, и взгляд говорит: «Что хочу, то и делаю, потому что я старая. Питаю слабость к шельмецам». Обмануть таких старушек сложно, но в этом и нет необходимости. Мокриц расслабился. Как приятно иногда просто сбросить маску.

– Во всяком случае, я не самозванец, – сказал он. – Мокриц фон Липвиг – мое нареченное имя.

– Да уж, такое вряд ли добровольно с собой сделаешь, – ответила госпожа Шик, возвращаясь на свое место. – Однако ты как будто дуришь всех сразу и непрерывно. Сядь, господин фон Липвиг, я не укушу, – последние слова были сказаны с видом, сообщавшим: «Но дай мне полбутылки джина и пять минут на поиски вставной челюсти, и там видно будет!» Она указала на стул рядом.

– Как? Я думал, ты выставишь меня за порог! – решил подыграть Мокриц.

– С чего бы это?

– За все вышеперечисленное.

– Я же не сказала, что считаю тебя плохим человеком, – возразила госпожа Шик. – И Шалопая ты понравился, а он очень хорошо разбирается в людях. К тому же ты сотворил чудеса с Почтамтом, вот и Хэвлок так считает. – Госпожа Шик опустила руку и поставила на стол большую бутылку джина. – Выпьешь, господин фон Липвиг?

– Э, нет, сейчас не время.

Госпожа Шик хмыкнула:

– Ну, времени у меня осталось немного, а вот джина – достаточно. – Мокриц смотрел, как она наливала в стакан дозу джина, граничащую со смертельной.

– Есть ли у тебя дама сердца? – спросила она, поднимая стакан.

– Да.

– Она знает, что ты за человек?

– Да. Я все время ей повторяю.

– Не верит, значит? Таковы они, эти влюбленные девушки, – вздохнула госпожа Шик.

– Я сомневаюсь, что это ее вообще беспокоит. Она не самая типичная девушка.

– Ах, она видит твой внутренний мир? Или тот тщательно выстроенный внутренний мир, который ты позволяешь видеть другим людям, а? Такие, как ты... – Она задумалась. – ...такие, как *мы*, всегда держат наготове как минимум один внутренний мир для любопытных гостей, не так ли?

Мокриц оставил это без ответа. Беседовать с госпожой Шик было все равно что смотреться в волшебное зеркало, которое обнажало тебя до самого скелета. Он только сказал:

– Почти все ее знакомые – големы.

– Да? Большие, сильные люди из глины, которые надежны, как никто на свете, и ничем не могут похвастаться ниже пояса? И что же она находит в *тебе*, господин фон Липвиг? – Она ткнула в него сухим, как соломинка, пальцем.

У Мокрица отвисла челюсть.

– Очевидно, контраст, – ответила госпожа Шик и похлопала его по руке. – Хэвлок направил тебя к нам, чтобы ты объяснил мне, как управлять моим банком. Зови меня Тилли.

– Ну, я...

Объяснить ей, как управлять ее банком? *Такого* ему не говорили.

Тилли подалась вперед.

– Я ничего не имела против Карамельки, между прочим, – сказала она, чуть понизив голос. – Славная девочка, правда, тупая, как детские ножницы. Она была у него не первой и далеко не единственной. Я и сама когда-то ходила у Джошуа в любовницах.

– Правда? – Мокриц понимал, что ему придется выслушать все от начала и до конца, хотелось ему того или нет.

– О да, – ответила Тилли. – Люди тогда были *понимающие*. Все это было вполне приемлемо. Раз в месяц мы чаевничали с его женой, чтобы составить график, и она всегда повторяла, что только рада стряхнуть его со своей шеи. Конечно, тогда от любовницы требовалось иметь какое-никакое образование. – Она вздохнула. – Сейчас, увы, умения кружиться вверх ногами вокруг шеста уже достаточно.

– Стандарты падают во всех отношениях, – сказал Мокриц. Это был безошибочный ход. Стандарты всегда падали.

– С банковским делом примерно то же самое, – проговорила Тилли, как бы размышляя вслух.

– Не понял?

– Сама цель фактически остается прежней, но ведь нужен и стиль, ты не находишь? Нужен хороший вкус. Нужен свежий взгляд. Нужно мастерство, а не банальное выполнение обязанностей. Хэвлок говорит, ты в этом понимаешь толк. –

Она посмотрела на Мокрица вопросительно. – В конце концов, удалось же тебе сделать из Почтамта какое-то даже героическое предприятие. Люди часы сверяют по прибытию экспресса из Орлеи. Раньше сверяли календари!

– Клики все еще терпят убытки, – заметил Мокриц.

– Крайне незначительные, при этом всячески обогащая род людской, и сборщики налогов Хэвлока тоже с пустыми руками не останутся, можешь не сомневаться. Ты умеешь воодушевлять, господин фон Липвиг.

– Ну, я... наверное, да, – выдавил он. – Я знаю, что, если хочешь продать сосиску, нужно сперва продать шипение сковородки.

– Верно, верно, – сказала Тилли. – Но ты же понимаешь, что как бы хорошо ни продавалось шипение, рано или поздно придется предъявить сосиску, а? – Она подмигнула ему так, что женщина угодила бы за это под арест.

– В этой связи, – продолжала она, – припоминаю, как боги однажды указали тебе на зарытый клад, благодаря которому удалось восстановить Почтамт. Что там на самом деле произошло? Можешь все рассказать Тилли.

Он решил, что действительно может, и заметил, что хоть ее волосы заметно поредели и почти побелели, в них еще сохранился потускневший оранжевый оттенок, намекавший на более сочную рыжину в прошлом.

– Это был мой схрон со сбережениями за годы мошенничества, – ответил он.

Госпожа Шик захлопала в ладоши.

– Замечательно! Вот тебе и сосиски! Одно удовольствие! У Хэвлока всегда было чутье на людей. У него большие планы относительно города, знаешь ли.

– Подземный проект. Да, я слышал.

– Подземные улицы, доки, все-все-все. А для этого государству нужны деньги, а деньгам нужны банки. Но увы, люди утратили веру в банки.

– Почему?

– Потому что мы все время теряем их деньги. Чаще всего не специально. За последние годы мы пережили много потрясений. Крах 88-го, Крах 93-го, Крах 98-го... Хотя последнее было скорее встряской. Мой покойный супруг был склонен давать необдуманные ссуды, так что мы погрязли в долгах, которые нужно выплачивать, и это далеко не единственное последствие его сомнительного правления. Дошло до того, что деньги у нас теперь хранят одни старушки, потому что они всю жизнь так делали, а молодые кассиры все такие же учтивые, и у входа все так же стоит миска с водой, чтобы их собачки могли напиться. Ты можешь что-нибудь с этим сделать? Запас старушек уже иссякает, об этом я знаю, как никто.

– Хм, ну, у меня есть пара мыслей, – сказал Мокриц. – Но я еще не до конца пришел в себя. Я плохо понимаю, как работают банки.

– Ты никогда не пользовался услугами банков?

– С их ведома? Нет, никогда.

– Как, по-твоему, они работают?

– Ну, вы берете деньги у богачей, одалживаете под процент адекватным клиентам и возвращаете как можно меньше этих самых процентов.

– Да, а кто такие адекватные клиенты?

– Это те, кто может доказать, что деньги им не нужны.

– А ты циник! Но основную мысль уловил верно.

– Стало быть, никаких бедняков?

– Не в банках же, господин фон Липвиг. Только люди с доходом выше ста пятидесяти долларов в год. Для остальных были изобретены чупки и матрацы. Мой покойный супруг говаривал, что единственный способ заработать на бедняках – это не мешать им оставаться бедняками. С ним не всегда было приятно вести дела. Какие еще будут вопросы?

– Как ты стала председателем банка? – спросил Мокриц.

– Председателем и управляющим, – гордо поправила Тилли. – Джошуа любил все держать под контролем... о да, это он любил, – добавила она сама себе. – И теперь я сижу здесь за двоих из-за древнего колдунства под названием «получи наследство пятьдесят процентов акций».

– Мне казалось, это колдунство составляет пятьдесят один процент акций, – сказал Мокриц. – Разве остальные акционеры не могут вынудить...

В дальнем конце кабинета открылась дверь, и вошла высокая женщина в белом, с подносом в руках, прикрытым сал-

феткой.

– Пора пить лекарство, госпожа Шик, – сказала женщина.

– Мне от него никакой пользы, сестра! – отрезала Тилли.

– Ты же знаешь, что врачи запретили тебе пить спиртное, – сказала сиделка и укоризненно посмотрела на Мокрица. – Больше ей не наливать, – повторила она, как будто у него с собой было еще несколько бутылок.

– А я говорю, больше никаких врачей! – воспротивилась госпожа Шик и заговорщически подмигнула Мокрицу. – Это мои так называемые приемные детки платят за лечение, можешь себе представить? Они хотят меня отравить! А сами всем трезвонят, будто я сошла с ума...

В дверь постучали – не столько спрашивая разрешения войти, сколько заявляя о намерении. Госпожа Шик двинулась с завидной скоростью: когда дверь открылась, арбалеты уже были нацелены на вход.

Вернулся господин Бент, держа под мышкой Шалопая, который все еще рычал.

– Пять раз, господин Бент, я же сказала! – закричала госпожа Шик. – Я же могла застрелить Шалопая! Ты считать не умеешь?

– Прошу меня извинить, – сказал господин Бент, аккуратно поместив Шалопая на поднос. – И я *умею* считать.

– Кто тут у нас маленький Шалопай? – спросила госпожа Шик, и песик чуть не лопнул от взбудораженного восторга при виде хозяйки, с которой расстался целых десять ми-

нут назад. – Ты был хорошим мальчиком? Был он хорошим мальчиком, господин Бент?

– Да, мадам. Чрезвычайно. – В замороженной змее и то было бы меньше льда и яда. – Могу я теперь вернуться к своим прямым обязанностям?

– Господин Бент думает, что я не умею управлять банком, да, Шалопай? – просюсюкала госпожа Шик. – Глупый господин Бент, правда? Да, господин Бент, можешь идти.

Мокриц вспомнил старую бангбангдукскую пословицу: «Когда старухи что-то зловеще нашептывают своим собакам, собаки становятся ужином». Она показалась ему как нельзя кстати в этот момент, и момент этот был не лучшим для разговоров.

– Что ж, был рад встрече, госпожа Шик, – сказал он, поднимаясь. – Я... все обдумаю.

– Он уже был у Хьюберта? – спросила госпожа Шик у собаки. – Он должен повидать Хьюберта перед уходом. Кажется, финансы его чуть-чуть смущают. Отведи его к Хьюберту, господин Бент. Хьюберт так понятно все объясняет.

– Как прикажете, мадам, – ответил Бент, бросая свирепые взгляды на Шалопая. – Уверен, что после объяснений Хьюберта о денежных потоках он уже не будет чуть-чуть смущен. Ступайте за мной, господин фон Липвиг.

Бент не проронил ни слова, пока они спускались вниз. Он отрывал свои огромные стопы от пола с такой сосредоточенностью, как будто вокруг были рассыпаны иголки.

– А госпожа Шик – заводная старушенция, да? – начал Мокриц.

– Полагаю, ее можно смело назвать «эксцентричной особой», сэра, – мрачно отозвался Бент.

– Назойливая, наверное?

– Без комментариев, сэра. Госпоже Шик принадлежит пятьдесят один процент акций в моем банке.

«В *его* банке», – отметил Мокриц.

– Странно, – сказал он вслух. – Она мне только что сказала, что у нее пятьдесят процентов акций.

– Собака, – ответил Бент. – Собака владеет одним процентом, который завещал ей покойный сэра Джошуа, а госпожа Шик владеет собакой. У покойного сэра Джошуа было, что называется, злое чувство юмора.

«Значит, собака – совладелец банка, – думал Мокриц. – Какие, однако, весельчаки эти Шики».

– Я так понимаю, ты вряд ли находишь это смешным, господин Бент, – сказал он.

– Я счастлив сообщить, что нисколько не нахожу это смешным, сэра, – ответил Бент, когда они достигли нижней ступеньки. – У меня попросту отсутствует чувство юмора. Напрочь. Это доказано френологией. У меня синдром Нихтлахена – Кайнворца, который по какой-то непонятной причине считается тяжким недугом. Я же, напротив, считаю его подарком судьбы. Я рад, что вид толстяка, поскользнувшегося на банановой кожуре, кажется мне лишь злополучным

происшествием, которое подчеркивает важность грамотного избавления от домашних отходов.

– А ты пробовал... – начал Мокриц, но Бент жестом прервал его:

– Умоляю! Повторяю, я не считаю это проблемой! И, говоря откровенно, меня раздражает, когда люди так к этому относятся! Пожалуйста, не нужно пытаться рассмешить меня, сэр! Не будь у меня ног, стали бы вы уговаривать меня бегать? Я всем доволен, спасибо большое!

Он остановился перед очередными дверями, немного успокоился и ухватился за ручки.

– А теперь позвольте продемонстрировать вам, где вершатся... осмелюсь сказать, *серьезные* дела, господин фон Липвиг. Раньше это называлось бухгалтерией, но лично я предпочитаю считать это... – он потянул на себя, и двери величественно распахнулись, – ...своим миром.

Мокриц был под впечатлением. И впечатление это было: ад в тот день, когда там закончились спички.

Он провел взглядом по ряду согбленных спин. Никто не оторвался от лихорадочной писанины.

– В этих стенах я не терплю счетных досок, палочек и прочих бездушных устройств, господин фон Липвиг, – сказал Бент, ведя его по проходу между столами. – Человеческий мозг *способен* быть непогрешимым в мире чисел. Мы сами их изобрели, разве может быть иначе? Мы все здесь неутомимы, неутомимы... – Одним ловким движением Бент из-

влек из лотка с документами на ближайшем столе листок, пробежал его взглядом и, ворча, бросил на место. Это могло означать как одобрение в адрес хорошо постаравшегося клерка, так и разочарование оттого, что он не нашел к чему придраться.

Листок был испещрен вычислениями, уследить за которыми простому смертному беглым взглядом было ну никак невозможно. Но Мокриц не сомневался, что Бент принял в расчет каждую циферку.

– Здесь, в этой конторе, мы в самом сердце банка, – произнес старший кассир с гордостью.

– В сердце, – повторил за ним Мокриц.

– Здесь мы вычисляем проценты, и издержки, и кредиты, и расценки, и... да все на самом деле. И не допускаем ошибок.

– Что, никогда?

– Ну, почти никогда. Некоторые личности иногда и ошибаются, – согласился Бент безглаголиво. – К счастью, все вычисления проверяю я. Мимо меня не проскочит ни одна ошибка, уж будьте уверены. Ошибка, сэр, хуже греха, по той причине, что грех нередко дело мнения, или точки зрения, или даже неверно выбранного момента, тогда как ошибка – это факт, и она вопиет об исправлении. Вижу, вы старательно сдерживаете ухмылку, господин фон Липвиг.

– Да? То есть нет. Я? – пролепетал Мокриц. Проклятье. Он забыл об одном из важнейших правил: если ты внима-

тельно за кем-то наблюдаешь, будь осторожен, чтобы за тобой столь же внимательно не наблюдали в ответ.

– И все же вы в замешательстве, – сказал Бент. – Вы орудуете словами и, говорят, хорошо с ними управляетесь, но слова податливы, и, если язык у вас хорошо подвешен, в них можно уложить любой смысл. А цифры непоколебимы. Да, их можно подтасовать, но их суть останется неизменной. Три – это три. Вы не уговорите тройку побыть четверкой, даже если осыпать ее поцелуями.

Откуда-то из глубины зала послышался тихий, сдавленный смешок, но господин Бент не обратил на него внимания.

– И они не прощают. Мы работаем не покладая рук, делаем нужное дело, – сказал он. – И вот здесь мое место, в самом центре...

Они подошли к высокой ступенчатой платформе в центре зала. В этот момент мимо них уважительно проскользнула худая женщина в белой блузе и черной юбке и бережно положила стопку бумаг в уже переполненный лоток. Она бросила взгляд на господина Бента, который сказал: «Спасибо, госпожа Драпс». Он был слишком увлечен описанием прелестей площадки, на которой полукругом громоздился рабочий стол сложной конструкции, чтобы заметить выражение, промелькнувшее на ее бледном личике. Но Мокриц заметил и прочитал там тысячу слов, которые наверняка были записаны в ее дневнике и никогда-никогда не произносились вслух.

– Видите? – спросил старший кассир нетерпеливо.

– А? – переспросил Мокриц, наблюдая, как женщина убеждает прочь.

– Вот здесь, видите? – Бент присел и указал вниз с выражением лица, подозрительно похожим на воодушевление. – С помощью этих педалей я могу передвигать стол так, чтобы видеть любую точку в зале! Всю панораму моего маленького мирка. Ничто не останется незамеченным!

Он стал яростно крутить педали, и вся платформа затряслась, поворачиваясь вокруг своей оси.

– Работает на двух скоростях, как видите, потому что здесь совершенно гениальное...

– Действительно, мало что останется незамеченным, – сказал Мокриц, когда госпожа Драпс села на свое место, – но мне жаль, что я отрываю тебя от работы.

Бент бросил взгляд на кипу бумаг на столе и отрывисто пожал плечами.

– Это? Это много времени не отнимет, – сказал он, поставив платформу на ручной тормоз, и встал с места. – К тому же мне было важно сначала показать вам, что мы в действительности собой представляем, потому что теперь я должен отвести вас к Хьюберту. – Он кашлянул.

– Хьюберт – не то, что вы собой представляете? – догадался Мокриц, и они отправились обратно в центральный холл.

– Уверен, намерения у него самые лучшие, – ответил Бент, позволяя словам повиснуть в воздухе, как петля.

В холле царило благородное затишье. Несколько человек стояли у окошек, пожилая дама смотрела, как ее собачка пьет воду из медной миски у входа, и все сказанные слова произносились, как подобает, вполголоса. Мокриц ничего не имел против денег, он их очень даже любил, но не тогда, когда о них можно было говорить только тихонько, чтобы случайно не разбудить. Здесь когда деньги говорили, то шепотом.

Старший кассир открыл маленькую и отнюдь не парадную дверь под лестницей, почти незаметную за горшками с растениями.

– Будьте осторожны, здесь вечно мокрый пол, – предупредил он и спустился по широким ступенькам в самый роскошный подвал, который Мокрицу доводилось видеть. Величественные каменные арки подпирали мозаичные потолки, убежавшие во тьму. Повсюду были свечи, а в отдалении что-то сверкало и заливало колоннаду синевато-белым свечением.

– Это место было криптой храма, – сказал Бент, указывая дорогу.

– То есть банк неспроста похож на храм?

– Да, здание было построено под храм, но никогда не использовалось с этой целью.

– Серьезно? – сказал Мокриц. – Какому богу он был посвящен?

– Как выяснилось, никакому. Почти девятьсот лет назад король Анка просто велел построить храм, – сказал Бент. – Полагаю, это был пример спекулятивного строительства. Иными словами, с богом он не определился.

– Он надеялся, что какой-нибудь да объявится?

– Именно, сэр.

– Как синица, что ли? – спросил Мокриц, озираясь. – И все это сооружение было у него вроде божественной кормушки?

Бент вздохнул:

– Вы образно выражаетесь, господин фон Липвиг, но думаю, в ваших словах есть доля правды. Ничего не вышло. Потом здание использовали под склад на случай осады города, потом под крытый рынок, и далее по списку, пока здание не перешло Йокателло Ла Виче после того, как городские власти не вернули кредит. Все это записано в городских анналах. Не правда ли, совокупления восхитительны?

После долгой паузы Мокриц осмелился спросить:

– Да?

– А вы не согласны? Здесь их больше, чем во всем городе.

– Правда? – Мокриц нервно оглянулся по сторонам. – Э, сюда приходят в какое-то определенное время?

– Как правило, в часы работы банка, но мы пускаем группы и по особой договоренности.

– Знаешь, – сказал Мокриц, – мне кажется, я где-то утратил нить беседы.

Бент взмахом обвел потолок.

– Я говорю об этих изумительных сводах, – сказал он. –

Слово образовано от «совокупность» и «скопление».

– А! Да? Ясно! – сказал Мокриц. – Не удивлюсь, если немногие об этом знают.

И тогда Мокриц увидел мерцающего под сводами Хлюпера.

Глава 3

Хлюпер – Настоящий Хьюберт – Один, но очень большой матрац – Несколько слов о туризме – Глэдис готовит сэндвич – Отдел слепых писем – Наследники госпожи Шик – Зловещее письмо – Аварийный план – Еще одно зловещее письмо, и куда более зловещее, чем предыдущее – Господин фон Липвиг ошибается каретой

Мокриц видел стеклодувов за работой и изумлялся их мастерству, как может изумляться только человек, мастерски владеющий лишь словом. Возможно, здесь потрудились именно такие мастера. Заодно со своими Злыми Двойниками из гипотетического параллельного мира – стеклодувами, продавшими души своему плавкому богу за талант выдувать из стекла спирали, и хитроумные перекрещивающиеся бутылки, и фигуры, которые казались совсем близко и в то же время так далеко. Жидкость бурлила, плескалась и – да – хлюпала в стеклянных трубах. В воздухе пахло солью.

Бент подтолкнул Мокрица, указал на несуразную деревянную вешалку и молча протянул ему длинный желтый клеенчатый плащ и такую же непромокаемую шляпу. Сам он уже успел облачиться в этот костюм и, словно по волшебству, добыл где-то зонтик.

– Это – «платежный баланс», – объяснил он, когда Мок-

риц натянул плащ. – И он никогда не сходится.

Где-то послышался грохот, и на них дождем полилась вода.

– Что я говорил? – добавил Бент.

– Что оно делает? – спросил Мокриц.

Бент закатил глаза.

– Черти знают, боги догадываются, – сказал он. – Хьюберт, – позвал он громче. – У нас гости!

Плеск стал ближе, и из-за угла стеклянного сооружения показалась фигура.

Справедливо или нет, но Хьюберт – одно из тех имен, к которым всегда мысленно подрисовываешь картинку. Хьюберты могут быть высокими, могут быть худыми – Мокриц ни на чем не настаивал, но этот Хьюберт выглядел как самый настоящий Хьюберт, то есть был упитанным коротышкой. У него были рыжие волосы – необычная, по опыту Мокрица, черта для стандартной модели Хьюберта. Густая шевелюра топорщилась у него на голове, как щетина на кисточке. На высоте пяти дюймов от черепа они были обрезаны при помощи садовых ножниц и ватерпаса. На эту голову можно было поставить чашку с блюдцем.

– Гости? – нервно переспросил Хьюберт. – Чудно! К нам сюда нечасто заглядывают! – На Хьюберте был длинный белый халат, и из нагрудного кармана торчали карандаши.

– Неужели? – протянул Мокриц.

– Хьюберт, знакомься, господин фон Липвиг, – сказал

Бент. – Он здесь для того... чтобы узнать о нас побольше.

– Мокриц, – сказал Мокриц и выступил вперед с протянутой рукой и лучшей своей улыбкой.

– Ой, мои извинения, нужно было повесить плащи ближе к двери, – запричитал Хьюберт. Он осмотрел руку Мокрица, как некий любопытный прибор, и осторожно пожал ее.

– Ты застал нас не в лучшей форме, господин фон Липвиг, – сказал он.

– Неужели? – спросил Мокриц, продолжая улыбаться. Он все гадал, *почему* волосы Хьюберта стоят торчком. Клеем он их, что ли, мажет?

– Господин фон Липвиг у нас главный почтмейстер, Хьюберт, – объяснил Бент.

– О, вот как. Я в последнее время редко выхожу из подвала, – сказал Хьюберт.

– Неужели? – повторил Мокриц, улыбаясь уже несколько натянуто.

– Да, мы ведь так близки к идеалу, – сказал Хьюберт. – Я уверен, что еще чуть-чуть и...

– Господин Хьюберт полагает, что сей... аппарат – сродни хрустальному шару, который показывает будущее, – пояснил Бент, закатывая глаза.

– *Вероятные* будущие. Желает ли господин фон Липка увидеть аппарат в действии? – спросил Хьюберт, дрожа от усердия и энтузиазма. Только бессердечный человек смог бы ему отказать, поэтому Мокриц предпринял героическую по-

пытку изобразить, что именно это и было пределом его мечтаний.

– С удовольствием, – воскликнул он. – Но что конкретно это за аппарат?

Слишком поздно он заметил знаки. Хьюберт вцепился в лацканы своего халата, словно обращаясь к аудитории, и весь раздулся от нетерпения начать разговор или по крайней мере монолог, полагая, что это одно и то же.

– Хлюпер, как мы тут между собой выражаемся, – это то, что я называю, цитата, аналоговым устройством, конец цитаты. Он решает задачи не путем отношения к ним как к числовым примерам, но реально дублируя их в формате, которым мы можем управлять: в данном случае денежный поток, циркулирующий внутри города, становится потоком воды, обрабатываемым в стеклянной матрице – Хлюпере. Геометрическая форма определенных сосудов, функционирование клапанов и, осмелюсь сказать, гениальные опрокидывающиеся ковши и винты для подачи воды позволяют Хлюперу симулировать самые сложные транзакции. Мы также можем калибровать исходные условия, чтобы изучить законы, лежащие в основе экономики. К примеру, можно выяснить, что произойдет, если сократить рабочую силу в городе вдвое, просто подкрутив пару клапанов, вместо того чтобы идти на улицы и убивать жителей.

– Огромный шаг вперед! Bravo! – отчаянно воскликнул Мокриц и заплодировал.

пе со шлюзовыми затворами на пружинах в других секторах Хлюпера позволяют изменениям уровня одной колбы автоматически регулировать поток в других секторах системы...

– А это для чего? – перебил Мокриц, ткнув наугад в круглую склянку, подвешенную среди труб.

– Клапан лунных фаз, – отчеканил Хьюберт.

– *Луна* влияет на денежный оборот?

– Мы не в курсе. Но почему нет? Погода ведь влияет.

– Неужели?

– Конечно! – Хьюберт просиял. – И мы продолжаем подключать новые факторы. Нет, я не успокоюсь, пока это великое устройство не сможет с точностью до мелочей имитировать экономический цикл нашего замечательного города!

Звякнул колокольчик, и он отозвался:

– Спасибо, Игорь, опускай!

Что-то лязгнуло, и в самые толстые трубы с пеной и плеском полилась цветная вода. Хьюберт поднял указку и повысил голос:

– Итак, если мы понизим общественное доверие к банковской системе – вот эта трубка, – здесь мы увидим отток наличности из банков – в колбу двадцать восемь, в данной задаче выступающую как «старый чулок под матрацем». Даже самые богатые люди не хотят терять власть над своими деньгами. Видишь, как набирается «матрац»? Или лучше сказать... набивается?

– Очень много матрацев, – согласился Мокриц.

– Я бы назвал это одним матрацем в треть мили вышиной.

– Неужели? – сказал Мокриц.

Плюх! Где-то пооткрывались клапаны, и вода потекла по новому маршруту.

– Теперь смотри, как опустошаются «банковские займы», пока деньги утекают в «чулок». – *Буль!* – Следи за резервуаром номер одиннадцать, вот он. Это значит, замедляется экономический рост... вот он идет, идет... – *Kan!* – Теперь посмотри на ковш номер тридцать четыре, вот он наклоняется, наклоняется... опа! Шкала слева от семнадцатой колбы обозначает обвал торговли, кстати. Видишь, вот начинает переполняться девятая колба? Это у нас «взыскания по закладным». «Потеря рабочих мест» в седьмой колбе... и вот открывается клапан на двадцать восьмой колбе, в ход идут «чулки». – *Плюх!* – Но что же можно купить? Мы прекрасно видим, что одиннадцатая колба тоже опустошена... – *Kan!*

Водная активность стихла, не считая отдельных побулькиваний.

– И мы оказываемся в безвыходном положении, потому что наплевали, грубо говоря, в свой колодец, – сказал Хьюберт. – Безработица растет, люди остаются без средств к существованию, жалованье падает, фермы возвращаются в первобытное состояние, тролли спускаются с гор и буянят...

– Тролли уже здесь, – сказал Мокриц. – Некоторые даже в Страже служат.

– Точно? – не поверил Хьюберт.

– Точно, в шлемах, и все как положено. Я сам видел.

– Ну, тогда они убираются буянить обратно в горы, – решил Хьюберт. – Я бы на их месте так и сделал.

– И ты считаешь, что все может так и случиться? – спросил Мокриц. – Ты настолько доверяешь своим трубочкам и ковшикам?

– Они очень тесно взаимосвязаны с происходящим, господин фон Липка, – ответил Хьюберт с обиженным видом. – Взаимосвязи играют критическую роль. Знаешь ли ты – и это научный факт, – что в период национального кризиса всегда задираются подолаы?

– То есть?.. – начал Мокриц, понятия не имея, как закончить этот вопрос.

– Женские платья становятся короче, – объяснил Хьюберт.

– И это вызывает национальный кризис? Серьезно? Это насколько же короче они становятся?

Господин Бент гулко откашлялся.

– Кажется, нам пора идти, господин фон Липвиг. Если вы увидели все, что хотели, то вы наверняка торопитесь, – сказал он с еле заметным ударением на последнем слове.

– Что? Ах... да, – спохватился Мокриц. – Пожалуй, пора мне идти. Что ж, спасибо, Хьюберт, было очень познавательно и правдоподобно.

– Я только никак не могу избавиться от утечек, – проговорил коротышка с подавленным видом. – Готов поклясться,

что в каждом колене все абсолютно водонепроницаемо, но к концу эксперимента воды вечно меньше, чем в начале.

– Ну, конечно же, Хьюберт. – Мокриц похлопал его по плечу. – А все потому, что ты близок к идеалу!

– Правда? – спросил Хьюберт с распахнутыми глазами.

– Конечно. Каждый знает, что в конце месяца всегда остается меньше денег, чем должно оставаться. Это общеизвестный факт!

Лицо Хьюберта озарилось лучами счастья. «А Тилли была права, – подумал Мокриц. – Я *лажу* с людьми».

– Теперь наглядно подтвержденный и Хлюпером! – выдохнул Хьюберт. – Я сделаю это темой своей диссертации.

– Или просто темой для разговора с коллегами, – сказал Мокриц, дружески пожимая ему руку. – Ну что, господин Бент, найдем в себе силы удалиться!

Когда они поднимались по главной лестнице, Мокриц спросил:

– Кем приходится Хьюберт нынешнему председателю?

– Племянником, – ответил Бент. – Но как вы...

– Люблю наблюдать за людьми, – ответил Мокриц, улыбаясь себе под нос. – Ну и рыжие волосы, конечно. Зачем госпоже Шик два арбалета на столе?

– Семейные реликвии, сэр, – соврал Бент. Это была преднамеренная, вопиющая ложь, и Бент нарочно ее не скрывал. Семейные реликвии, как же. И она спит в кабинете. Да, она инвалид, но инвалиды-то сидят дома.

«Она не собирается покидать эти стены. Она начеку. И далеко не каждого пустит к себе на порог».

– Какое твое любимое занятие, господин Бент?

– Я выполняю свою работу с усердием и вниманием, сэр.

– Да, но что ты делаешь по вечерам?

– Перепроверяю итоги дня у себя в кабинете, сэр. Подсчеты меня... успокаивают.

– Ты в них так силен?

– Лучше, чем вы можете себе представить, сэр.

– Тогда, если я буду откладывать девяносто три доллара сорок семь пенсов в год в течение семи лет под два с четвертью процента – процент сложный – сколько...

– Восемьсот пятьдесят три доллара тринадцать пенсов при ежегодном пересчете, сэр, – невозмутимо ответил Бент.

«Да, и дважды ты называл точное время, даже не взглянув на часы, – подумал Мокриц. – Ты и *впрямь* силен в математике. Нечеловечески силен...»

– Отпуск?

– Прошлым летом я ходил в туристический поход по крупнейшим банковским домам Убервальда, сэр. Было очень познавательно.

– Это, наверно, заняло не одну неделю. Я рад, что ты нашел в себе силы оторваться от работы.

– О, было нетрудно, сэр. Госпожа Драпс, наш старший бухгалтер, каждый день, когда закрывался банк, посылала закодированные клики с итогами прошедшего дня в те ме-

ста, где я останавливался. Я успевал ознакомиться с ними за вечерним штруделем и направлял ей свой ответ с указаниями и предписаниями.

– Госпожа Драпс хороший работник?

– Весьма. Она исполняет свои обязанности аккуратно и расторопно.

Он умолк. Они остановились наверху лестницы. Бент повернулся к Мокрицу и посмотрел на него в упор:

– Я проработал здесь всю свою жизнь, господин фон Липвиг. Остерегайтесь семейства Шиков. Госпожа Шик – замечательная женщина, лучшая из них. Остальные... привыкли получать то, что хотят.

Старый род, старые деньги. *Такая* семья. Мокриц услышал далекий зов вроде песни жаворонка. Этот звук дразнил его каждый раз, когда, например, на улице он видел растерянного приезжего с картой в руках, который так и напрашивался, чтобы его избавили от его же денег в какой-нибудь услужливой и неотслеживаемой манере.

– Они опасны? – спросил Мокриц.

Бента застала врасплох его прямолинейность.

– Они не привыкли к разочарованиям, сэр. Они пытались признать госпожу Шик невменяемой.

– Неужели? – сказал Мокриц. – По сравнению с кем?

...Ветер продувал городок Великий Кочан, который любил величать себя «Зеленым сердцем Равнин».

Он назывался Великий Кочан, потому что был родиной

самого большого в мире кочана капусты, и горожане были не слишком-то изобретательны, когда дело касалось названий. Люди приезжали издалека, чтобы взглянуть на это чудо природы. Они попадали в его зацементированное нутро, выглядывали в его окошки. Покупали книжные закладки в виде капустного листа, капустные чернила, капустные рубашки, игрушечного Капитана Капусту, музыкальные шкатулки, виртуозно вырезанные из кольраби и цветной капусты и наигрывающие «Песенку едоков капусты», капустное варенье, капустный эль, зеленые сигары, скрученные из свежевыведенных сортов капусты на бедрах местных девственниц, которым это, видимо, нравилось.

Потом были еще и прелести Кочаноленда, где слышались истошные вопли малышей, завидевших огромную голову самого Капитана Капусты и его друзей, Краснокочанного Клоуна и Билли-Брокколи. Для гостей постарше был и Капустный НИИ, над которым небо всегда было затянуто зеленой пеленой, а если оттуда дул ветер, растения принимали вид самый необычайный и иногда поворачивались проводить вас взглядом.

А потом – как нельзя кстати будет запечатлеть лучший день в своей жизни, отозвавшись на призыв человека в черном, с иконографом наперевес, который подскакивал к счастливой семье и обещал цветной снимок в рамочке, по почте прямо на дом за каких-то три доллара, включая почтовые пересылки, со страховым депозитом в один доллар,

чтобы покрыть расходы, будь так любезен, господин, какие между прочим замечательные у вас детки, госпожа, все в вас, точно вам говорю, да, и я уже говорил, что, если вы не будете *в восторге* от снимка в рамочке, можете просто не посылать больше никаких денег, и будем в расчете?

Капустный эль был вкусным и крепким, и лести много не бывает, если льстишь матерям, и, пожалуй, зубы у этого человека были какие-то странные и как будто ждали случая вырваться изо рта, но никто ведь не идеален, да и чего нам терять?

Терять было доллар, и доллары накапливались. Тот, кто сказал, что нельзя надуть честного человека, врал.

Примерно на седьмой семье к нему начал издали присматриваться стражник, так что человек в черном демонстративно записал последнюю фамилию и адрес и скрылся в переулке. Он швырнул сломанный иконограф обратно на груды мусора, где и нашел его – дешевая модель, откуда давно сбежали бесята, – и был уже готов припустить бегом по полям, когда увидел поддуваемую ветром газету.

Человеку, который идет по жизни, полагаясь на свой ум, газета всегда пригодится. Засунь ее под одежду, и она будет защищать от ветра. Ею можно развести костер. Наиболее взыскательным она восполняла ежедневную потребность в лопухах, подорожниках и прочих широколистных растениях. На худой конец ее можно было прочитать.

В тот вечер усиливался ветер. Он пробежал первую стра-

ницу газеты взглядом и заткнул ее под жилет.

Зубы пытались ему что-то сказать, но он никогда не слушал. Можно и умом повредиться, если слушать, что тебе зубы говорят.

...Вернувшись на Почтамт, Мокриц отыскивал фамилию Шиков в альманахе «Кто, где, когда». Такие семьи действительно называли «старой денежной знатью», иными словами, состояние они сколотили так давно, что темные делишки, которые помогли им обогатиться, успели потерять свое значение за давностью лет. Что вообще-то забавно: если у тебя разбойник-отец, ты будешь держать рот на замке, но пират и рабовладелец твой прапрапрадед – это предмет гордости и похвальбы за стаканом портвейна. Время обращало душегубов в негодяев, а негодяй – слово с огоньком и вовсе не повод для стыда.

Они были богаты не первый век. Ключевыми игроками в текущем составе Шиков помимо Тилли были, во-первых, ее деверь Марко Шик со своей женой Каприцией Шик, дочерью крупного трастового фонда. Они жили в Орлее, подальше от остальных Шиков, что было в духе Шиков вообще. Во-вторых, это были близнецы Космо и Пуччи, пасынок и падчерица Тилли соответственно, которые, по слухам, родились, вцепившись своими маленькими ручонками друг другу в глотки, как истинные Шики. Была также толпа кузенов, тетушек и нахлебников, седьмая вода на киселе, и все не спускали друг с друга зорких глаз. Как узнал Мокриц, семейным

делом исторически были банковские операции, но последние поколения, поддерживаемые на плаву сложной системой долгосрочных вложений и древних трастовых фондов, занимались тем, что с огромным энтузиазмом и с завидным хладнокровием таскались по судам и отбирали друг у друга наследства. Он видел их снимки в светских колонках «Правды», когда они выходили из черных элегантных карет и почти не улыбались, опасаясь спугнуть деньги.

О родственниках со стороны Тилли упоминаний не было. Они были Тряммами, и это, видимо, было недостаточно весомо, чтобы попасть в «КГК»... Попахивало мюзик-холлом, и в это Мокриц даже мог поверить.

В отсутствие Мокрица поднос для писем переполнился. Сплошь пустяковые дела, которые спокойно решались и без его участия, но хлопоты доставляла нововведенная копировальная бумага. Теперь он получал копии абсолютно всего, и это отнимало много времени.

Не то чтобы Мокриц не умел перекладывать обязанности на других. Он это очень хорошо умел. Но талант требует, чтобы люди на другом конце цепочки хорошо исполняли порученные на них обязанности. А они этого не делали. Это как-то было связано с тем, что Почтамт не поощрял креативное мышление. Письма суются в прорези – все. Здесь не было места тем, кто подходил к делу творчески и совал их в уши, в дымоходы и отхожие места. Им бы пошло на пользу...

Среди бумаг он заметил тоненький розовый листочек с

кликом и выхватил его.

От Шпильки!

Он прочел:

Успех. Возвращаюсь послезавтра. Скоро все станет известно. Ш.

Мокриц бережно отложил листок. Совершенно ясно, что она ужасно по нему скучает и не может дождаться встречи, но очень бережно расходует деньги «Треста Големов». И скорее всего у нее закончились сигареты.

Мокриц побарабанил пальцами по столу. Год назад он предложил Доре Гае Ласске стать его женой, и она объяснила ему, что вообще-то это он станет ее мужем.

Это произойдет... произойдет это где-то в недалеком будущем, когда старшая госпожа Ласска окончательно махнет рукой на плотный график своей дочери и устроит свадьбу сама.

Но, как ни крути, он был почти женатым человеком. А почти женатому человеку лучше не связываться с семейством Шиков. Почти женатый человек должен быть защитой и опорой. Он всегда должен быть готов подать своей почти жене пепельницу. Он должен быть рядом со своими потенциальными детьми и следить за тем, чтобы они спали в хорошо проветриваемом помещении.

Он разгладил бумажку.

И ночные вылазки тоже нужно прекращать. Разве это разумно? Разве так себя ведут взрослые люди? Разве он пешка

Витинари? Нетушки!

Что-то шевельнулось в его памяти. Мокриц встал из-за стола и подошел к картотеке, которую обычно избегал всеми правдами и неправдами. Под заголовком «Марки» он нашел небольшой отчет двухмесячной давности от Стэнли, главного по маркам. В нем вкратце отмечалось, что неизменно большим спросом пользуются долларовые и двухдолларовые марки, и их продажи превышают даже прогнозы Стэнли. Может, марочные деньги были в более широком употреблении, чем он думал. В конце концов, правительство ведь их одобряло. И их легко носить с собой. Нужно будет проверить, сколько...

Раздался деликатный стук в дверь, и вошла Глэдис. С большой осторожностью она несла тарелку тончайших сэндвичей с ветчиной, какие умела делать только Глэдис: положить ветчину между двумя ломтями хлеба и со всей силы прижать ручищей размером с лопату.

– Я Догадалась, Что Ты Не Успел Пообедать, Почтмейстер, – пророкотала она.

– Спасибо, Глэдис, – отозвался он и мысленно встряхнулся.

– Лорд Витинари Внизу, – продолжала Глэдис. – Говорит, Что Не Торопится.

Мокриц застыл, не донеся сэндвич до рта:

– Он здесь?

– Да, Господин Фон Липвиг.

– И ходит тут сам по себе? – спросил он с нарастающим ужасом.

– В Настоящий Момент Он В Отделе Слепых Писем², Господин Фон Липвиг.

– Что он там делает?

– Читает Письма, Господин Фон Липвиг.

«Не торопится, – мрачно подумал Мокриц, – как же. Ну, тогда доем сначала сэндвичи, которые мне приготовила добрая тетя голем».

– Спасибо, Глэдис, – сказал он.

Когда она ушла, Мокриц достал из ящика стола щипчики, вскрыл свой сэндвич и извлек из мяса мелкие косточки, раскрошившиеся под броневой рукой Глэдис.

Прошло минуты три, когда голем снова объявилась и терпеливо встала у его стола.

– Да, Глэдис?

– Его Светлость Изволит Напомнить, Что Он Все Еще Не Торопится.

Мокриц бросился вниз, где лорд Витинари действительно расположился в отделе слепых писем, положив ноги на стол,

² Изобретение, которым Мокриц особенно гордился. Жители Анк-Морпорка подходили к написанию писем с простодушием, которое в общих чертах сводилось к следующему: раз я знаю, что имею в виду, то и вы должны. В результате привычным делом для Почтамта были письма, адресованные «маиму брату Джонну, он высокий и у моста» или «гаспаже Смит, здаров, Сестры Долли». Светлые и иногда пугающе острые умы, работающие в отделе слепых писем, с радостью разгадывали эти головоломки, а в обеденный перерыв играли в шахматы в уме.

с пачкой писем в руке и улыбкой на устах.

– А, Липвиг, – сказал он, помахивая перепачканными конвертами. – Увлекательнейшая вещь! Лучше кроссвордов! Мне вот это нравится: «Рыглк каторыии через патеку». Я подписал внизу правильный адрес. – Он протянул конверт Мокрицу.

Он написал: «К. Свистун, пекарь, Свинячий Холм, 3».

– В городе три пекарни, которые находятся в непосредственной близости от аптек, – сказал Витинари. – Но только Свистун печет эти недурственные рогалики, которые выглядят, к сожалению, так, словно собака сделала свои дела у тебя на тарелке и умудрилась плюхнуть сверху глазури.

– Прекрасная работа, сэр, – проблеял Мокриц.

Из угла комнаты за Витинари с благоговейным смятением наблюдали Фрэнк и Дэйв, которые целыми днями расшифровывали неразборчивые, с ошибками, без адреса и попросту ненормальные отправления, которыми засыпало Почтамт ежедневно. В другом углу Стукпостук заваривал чай.

– Я считаю, весь секрет в том, чтобы поставить себя на место автора, – продолжал Витинари, разглядывая конверт, залепанный грязными отпечатками и остатками чьего-то завтрака. – Иногда это место может оказаться самым неожиданным.

– Фрэнк и Дэйв успешно расшифровывают пять из шести, – сказал Мокриц.

– Они сущие волшебники, – ответил Витинари. Он повер-

нулся к ребятам, которые нервно улыбнулись и попятились назад, прячась за улыбки, которые остались неловко висеть в воздухе. – Но мне кажется, пришло время их обеденного перерыва.

Ребята посмотрели на Стукпостука, разливавшего чай по чашкам.

– Где-нибудь не здесь? – предложил Витинари.

Ни одна экспресс-доставка не перемещалась с большей скоростью, чем Фрэнк и Дэйв. Когда дверь за ними захлопнулась, Витинари продолжил:

– Как тебе банк? Какие будут мысли?

– Да я лучше палец в мясорубку засуну, чем свяжусь с семьей Шиков, – ответил Мокриц. – Я бы, конечно, что-нибудь придумал, и монетному двору нужна хорошая встряска. Но управлять банком должен тот, кто понимает в банках.

– Те, кто понимает в банках, довели его до нынешнего состояния, – парировал Витинари. – Я стал правителем Анк-Морпорка не потому, что понимаю город. Как и в случае с банками, город до обидного просто понять. Я *остаюсь* его правителем потому, что научил город понимать *меня*.

– И я понял вас, сэр, когда вы говорили что-то такое об ангелах, помните? Ну, так это сработало. Я перевоспитался и буду вести себя сообразно.

– Даже золотистая цепочка – не предел? – спросил Витинари, когда Стукпостук подал ему чашку чая.

– Вот именно!

– Ты произвел хорошее впечатление на госпожу Шик.

– Она назвала меня отъявленным проходимцем!

– От Тилли это более чем похвальные слова, – сказал Витинари и вздохнул. – Что ж, раз ты перевоспитался, не могу же я тебя заставить... – Он замолчал, когда Стукпостук наклонился и зашептал ему что-то на ухо, и потом продолжал: – ...то есть, естественно, я *могу* тебя заставить, но в этом случае не стану этого делать. Стукпостук, запиши, пожалуйста. «Я, Мокриц фон Липвиг, ответственно заявляю, что не имею желаний или намерения управлять или принимать участие в управлении любым банком города Анк-Морпорк, предпочитая вместо этого трудиться на благо дальнейшего усовершенствования Почтамта и семафорной системы». Оставь место для подписи господина фон Липвига и для даты. Далее...

– Подождите, зачем обязательно... – начал было Мокриц.

– ...с новой строки: «Я, Хэвлок Витинари и т. д., подтверждаю, что действительно имел с господином фон Липвигом разговор касательно будущего анк-морпоркской банковской системы и принимаю выраженное им желание продолжать нести службу на Почтамте. Претензий к нему не имею и препятствовать ему не намерен». Место для подписи и так далее. Спасибо, Стукпостук.

– Но к чему все это?.. – спросил Мокриц.

– «Правда» почему-то решила, что я собираюсь национализировать Королевский банк, – сказал Витинари.

– Национализировать? – не понял Мокриц.

– Украсть, – перевел Витинари. – Откуда только берутся эти слухи?

– Неужели даже у тиранов есть враги? – удивился Мокриц.

– Красиво сказано, господин фон Липвиг, как всегда. – И Витинари пристально на него посмотрел. – Стукпостук, дай меморандум ему на подпись.

Стукпостук так и сделал, после чего с самодовольным видом поспешил забрать карандаш у Мокрица из рук. Тогда Витинари встал и отряхнул мантию.

– Я прекрасно помню наш любопытнейший разговор об ангелах, господин фон Липвиг. Кажется, я говорил, что ангел является лишь однажды, – сказал он натянуто. – Не забывай об этом.

– Видимо, и горбатого можно отмыть добела, сэ, – заметил Стукпостук.

Вечерний туман по пояс высотой стелился по улицам.

– Видимо, да. Но Мокриц фон Липвиг – сам по себе человек видимости. Не сомневаюсь, он верит в то, что говорит, но если заглянуть под оболочку, мы увидим там настоящего фон Липвига, его честное сердце и блестящий криминальный ум.

– Вы уже говорили нечто подобное, сэ, – сказал секретарь, открывая дверцу кареты. – Но, кажется, он свернул на путь исправления.

Витинари замер, стоя одной ногой на подножке кареты.

– Может быть, Стукпостук, но меня обнадеживает тот факт, что он в очередной раз украл твой карандаш.

– На самом деле нет, сэр, я обратил внимание и убрал его к себе в карман, – сказал Стукпостук с чувством некоторой гордости.

– Да, – ответил Витинари с удовольствием, усаживась на скрипучую кожу, в то время как секретарь с нарастающим нетерпением принялся похлопывать себя по карманам. – Знаю.

По ночам банк охранялся. Охранники лениво патрулировали коридоры и насвистывали себе под нос, зная, что самые крепкие замки удерживают правонарушителей снаружи. На мраморном полу каждый шаг тихой ночью отдавался как колокольный звон, и чувствовали себя в безопасности. Иногда они дремали, стоя навтытяжку с полуопущенными веками.

Но кто-то пренебрег железными замками, миновал латунные решетки, беззвучно прошел по звонкому полу, проскользнул под самыми носами сонных людей. И все же, когда фигура вошла через высокие двери в председательский кабинет, две арбалетные стрелы просвистели насквозь и вонзились в дорогое дерево.

– Ну, это тело хотя бы попыталось, – сказала госпожа Шик.

– МЕНЯ НЕ ИНТЕРЕСУЕТ ТВОЕ ТЕЛО, ГОСПОЖА

ТИЛЛИ ШИК, – сказал Смерть.

– Оно уже давно никого не интересует, – вздохнула Тилли.

– ЭТО ПОДВЕДЕНИЕ ИТОГОВ, ГОСПОЖА ШИК. ПОСЛЕДНЕЕ СВЕДЕНИЕ СЧЕТОВ.

– Ты всегда говоришь банковскими словечками в такие моменты? – спросила Тилли и встала. Что-то обмякшее осталось в кресле, но это была уже не госпожа Шик.

– СТАРАЮСЬ СООТВЕТСТВОВАТЬ СИТУАЦИИ, ГОСПОЖА ШИК.

– «Свести дебет с кредитом» тоже неплохо звучит.

– СПАСИБО. Я ЗАПОМНЮ. А ТЕПЕРЬ ТЫ ПОЙДЕШЬ СО МНОЙ.

– Похоже, вовремя я дописала завещание, – сказала Тилли, распустив длинные белые волосы.

– О ПОТОМКАХ НУЖНО ДУМАТЬ В ПЕРВУЮ ОЧЕРЕДЬ.

– О потомках? Пусть Шики поцелуют меня в одно место, милый! Уж я им показала. О да! Ну и что теперь, господин Смерть?

– ТЕПЕРЬ? – отозвался Смерть. – ТЕПЕРЬ, МОЖНО СКАЗАТЬ, ЧТО НАС ЖДЕТ... РЕВИЗИЯ.

– Ах. Все-таки будет ревизия? Ну, мне стыдиться нечего.

– ЭТО ТОЖЕ СЧИТАЕТСЯ.

– И правильно. Должно считаться, – согласилась Тилли.

Она взяла Смерть за руку и пошла за ним сквозь двери и дальше, и дальше, в черную пустыню под вечным ночным

небом.

Спустя некоторое время Шалопай проснулся и заскулил.

На следующее утро в «Правде» появилась небольшая статья про положение банков. Там часто повторялось слово «кризис».

Ага, вот и оно, думал Мокриц, добравшись до четвертого абзаца. Точнее, вот и я.

Лорд Витинари сообщил «Правде»:

«Действительно, с позволения председателя банка, мы с главным почтмейстером обсуждали возможность его содействия Королевскому банку в эти непростые времена. Он ответил отказом, и точка. Государственные служащие не управляют банками. Будущее Королевского банка Анк-Морпорка в руках его дирекции и акционеров».

«И да помогут ему боги», – подумал Мокриц.

Он энергично принялся за бумаги. Он копался в документации, сверял цифры, исправлял орфографические ошибки и бубнил себе под нос, чтобы заглушить внутренний голос соблазна.

Пришло время обеда, и вместе с ним появилась тарелка гигантских сэндвичей с сыром, а заодно Глэдис принесла и дневной выпуск «Правды».

Ночью скончалась госпожа Шик. Мокриц не мог оторвать

глаз от некролога. Писали, что она умерла тихо, во сне, после долгой болезни.

Он бросил газету и устался в стену. Да, госпожа Шик выглядела так, будто держалась на честном слове и джине. И все же ее энергия, ее огонь... что ж, она не могла держаться вечно. Но что будет теперь? О, боги, как хорошо, что он в этом не участвует!

Да и Шалопаю сейчас не позавидуешь. Такой неказистой шавке хорошо бы научиться *очень быстро* бегать.

Среди свежей почты, которую принесла Глэдис, обнаружился продолговатый, многократно бывавший в употреблении конверт, жирными черными буквами адресованный «литчно» ему. Он вскрыл его канцелярским ножом и вытряхнул письмо над мусорной корзиной – на всякий случай.

Внутри был сложенный газетный листок. Как оказалось – вчерашняя «Правда», с Мокрицем фон Липвигом на первой странице. *Обведенным в кружок.*

Мокриц перевернул вырезку. На обратной стороне убористым почерком было написано:

Уважаемый господин, я принял неаппоходимые меры при до сто рожности и передал некоторый кампромад на хранение надежному лицу. Жди от меня вестей.

Друг

Спокойствие, спокойствие... это никакой не друг. Все, кого он мог назвать друзьями, знали правила правописания. Это точно какая-то афера. Но в его шкафу не было скеле-

тов...

Ой, ну ладно, если придирааться к мелочам, в его шкафу на самом деле было столько скелетов, что хватило бы на целый склеп, и еще останется, чтобы украсить ярмарочную «комнату ужасов», и, может, даже заодно смастерить готичную, но в меру веселенькую пепельницу. Но они не были связаны с именем фон Липвига. Он внимательно за этим следил. Его преступления почили вместе с Альбертом Стеклярсом. Хороший палач точно знает, сколько веревки нужно человеку, чтобы переправить его из прежней жизни в новую.

Неужели кто-то его узнал? Но ведь когда Мокриц снимал золотой костюм, он становился самым неузнаваемым человеком на свете! Когда он был маленьким, его мама иногда забирала из школы чужих мальчиков!

А когда он надевал костюм, люди узнавали костюм. Он прятался, будучи на виду...

Это точно какая-то афера. Да, наверняка. Старый трюк «я знаю твой секрет». Вряд ли хоть кто-то добивался больших успехов, не натворив таких вещей, которые не хотелось бы выносить на публику. Эта строчка про компромат – хороший штрих. Она заставляла человека занервничать и задуматься. Она подразумевала, что аноним знает нечто настолько страшное, что ты, адресат, можешь попытаться избавиться от него и что он уже готов спустить на тебя законников.

Ха! И он еще дает ему время на размышления, чтобы помариновать его. Его! Мокрица фон Липвига! Что ж, придет-

ся кое-кому отведать, каким острым бывает маринад. Но до поры до времени письмо отправилось в нижний ящик. Ха!

В дверь постучали.

– Входи, Глэдис, – сказал он, снова принимаясь копаться в документах.

Дверь открылась, и в нее просунулось беспокойное бледное лицо Стэнли.

– Это я, сэр. Стэнли, сэр, – сказала оно.

– Да, Стэнли?

– Главный по маркам, сэр, – добавил Стэнли на случай, если от него требовалось стопроцентное удостоверение личности.

– Да, Стэнли, я знаю, – терпеливо ответил Мокриц. – Мы видимся каждый день. Ты что-то хотел?

– Ничего, сэр, – ответил Стэнли. Повисла пауза, и Мокриц попытался настроиться на волну Стэнли. Этот юноша был очень... щепетилен. И терпелив, как могила.

Мокриц сделал еще одну попытку.

– С какой целью ты пришел сюда, ко мне, сейчас? – спросил он, четко произнося каждое слово, чтобы предложение выходило маленькими порциями.

– Там внизу законник, сэр, – объявил Стэнли.

– Но я же только что прочитал эту анонимку... – начал Мокриц, а потом сделал глубокий вдох. – Законник? Он сказал, по какому поводу?

– Сказал, что дело чрезвычайной важности. С ним два

стражника, сэр. И собака.

– В самом деле? – спокойно отозвался Мокриц. – Тогда, конечно, проводи его ко мне.

Он посмотрел на часы.

Хо... ро... шо... Все плохо.

«Ланкрская стрела» отправится в рейс через сорок пять секунд. Мокриц знал, что успеет спуститься по злополучной водосточной трубе за одиннадцать секунд. Стэнли спускается и ведет их сюда – скажем, тридцать секунд. Главное – увести их с первого этажа. Вскочить на запятки кареты, спрыгнуть у Пупсторонних ворот, где она замедлит ход, подобрать жестяной сундук, припрятанный под стропилами старой конюшни на Лоббистской улице, переодеться, подправить лицо, пересечь город, выпить кофе в закускойной рядом со штаб-квартирой Стражи, понаблюдать немного за семафорными сообщениями, отправиться в подворье Наседки-с-Цыплятами, где он держал еще один сундук у Яне-знаю Джека, переодеться, уйти с небольшой котомкой и в твидовой кепке (которую он сменит на старый коричневый котелок где-нибудь в переулке, на случай, если у Джека случится внезапный приступ хорошей памяти, вызванный лишними деньгами), и оттуда юркнуть в скотобойный район, где он войдет в образ погонщика Джеффа и зависнет в большом вонючем кабаке «Орел мясника», где обычно отряхивают с башмаков дорожную пыль погонщики скота. В Страже сейчас появился вампир, а вервольф у них уже несколько лет.

Ну вот и пусть их знаменитые острые носы понюхают смесь из навоза, страха, пота, помоев и мочи, посмотрим, как им понравится! И это только в кабаке – на скотобойнях бывало намного хуже.

Там он, пожалуй, подождет до вечера, и в смердящем по-мойном фургоне его вместе с другими пьяными погонщиками вывезут из города. Стражники у ворот никогда их не проверяли. С другой стороны, если его шестое чувство все еще будет подавать голос, он поиграет в наперстки с каким-нибудь пьянчугой, пока не наберет денег на флакончик одеколна и дешевенький, но приличный поношенный костюм в какой-нибудь сомнительной лавочке, после чего двинется в «Меблированные комнаты госпожи Эвразии Арканум для приличных трудоустроенных джентльменов», где с помощью надвинутой на лоб шляпы и очков в проволочной оправе он *станет* господином Пролазом Вылупнем, торговцем шерстью, который останавливался здесь всякий раз, когда дела забрасывали его в Анк-Морпорк, и всегда подносил хозяйке сувениры, уместные для вдовы того возраста, который она себе приписывала. Да, так, пожалуй, будет лучше. У госпожи Арканум пища была плотной и регулярной, постели мягкими, и ими почти никогда не приходилось делиться.

А там уже можно будет строить и дальнейшие планы.

План побега пронесся перед его внутренним взором со скоростью молнии. Но внешний взор зацепился за кое-что менее вдохновляющее. На каретном дворе стоял стражник

и болтал с возницами. Мокриц узнал сержанта Фреда Колона, чьей первейшей обязанностью, очевидно, было слоняться по улицам и чесать языком с людьми сходного возраста и настроений.

Стражник заметил в окне Мокрица и помахал ему рукой.

Нет, если он попробует бежать, получится некрасиво и запутанно. Придется оставаться на месте и блефовать напраполаю. Технически он ведь ничего и не нарушал. Просто письмо выбило его из колеи, вот и все.

Мокриц с занятым видом сидел за столом, когда вернулся Стэнли и завел в кабинет господина Кривса, самого известного и, в триста пятьдесят один год от роду, вероятно, самого старого законника в городе. Его сопровождали сержант Ангва и капрал Шноббс, который, по слухам, и был тайным вервольфом Стражи. Капрал Шноббс нес большую плетеную корзину, а сержант Ангва держала в руке пищащую резиновую косточку, которую она время от времени машинально сжимала. Что-то начало вырисовываться, но непонятно что.

Они пожелали друг другу доброго дня, хотя в непосредственной близости от Шноббси Шноббса и законника, от которого разило бальзамической жидкостью, ничего доброго быть не могло. А когда с этим было покончено, господин Кривс сказал:

– Мне известно, что вчера ты посещал госпожу Тилли Шик, господин фон Липвиг.

– Ах да. Гм, когда она была жива, – запнулся Мокриц и

мысленно проклял себя и анонима. Он терял хватку, стремительно терял.

– Это не расследование убийства, господин, – спокойно сказала сержант Ангва.

– Вы уверены? В таких обстоятельствах...

– Это наша работа, господин, быть абсолютно уверенными, – ответила сержант, – *в таких обстоятельствах.*

– Вы не подозреваете ее родственников?

– Нет, господин. Тебя тоже нет.

– Меня? – У Мокрица, как положено, отвисла челюсть.

– О болезни госпожи Шик было прекрасно известно, – сказал господин Кривс. – И, похоже, она прониклась к тебе большой симпатией, господин фон Липвиг. Она завещала тебе своего песика, Шалопая.

– Вместе с мешком игрушек, ковриков, пледиков, башмачков, восемью ошейниками, включая один инкрустированный бриллиантами, и прочими разнообразными мелочами, – перечислила сержант Ангва. Она снова стиснула резиновую косточку.

Мокриц захлопнул рот.

– Собаку? – спросил он бесцветным голосом. – Только собаку? И игрушки?

– Ты ожидал чего-то большего? – спросила Ангва.

– Я и этого-то не ожидал! – Мокриц перевел взгляд на корзину. Внутри было подозрительно тихо.

– Я дал ему голубую таблеточку, – пояснил Шнобби

Шноббс. – Он от них ненадолго вырубается. А на людей не действует. И на вкус они как анис.

– Все это как-то... странно, не находите? – спросил Мокриц. – Зачем здесь Стража? Бриллиантовый ошейник? И потом, мне казалось, завещание оглашается только после похорон...

Господин Кривс откашлялся. Из рта у него вылетела моль.

– И это так. Но, зная о содержании ее завещания, я счел благоразумным поторопить Королевский банк и разобраться с наиболее...

Повисла очень длинная пауза. Для зомби и целая жизнь будет паузой, но он, похоже, просто подбирал подходящее слово.

– ...*проблематичными* пунктами немедленно, – закончил он.

– Да, полагаю, собачку нужно кому-то кормить, – согласился Мокриц. – Но я не думал, что...

– Проблема как таковая заключается в документах собаки, – сказал господин Кривс.

– Плохая родословная? – предположил Мокриц.

– Не в родословной дело, – сказал господин Кривс, открывая портфель. – Ты, возможно, в курсе, что покойный сэр Джошуа оставил один процент своих акций Шалопаю?

Холодный черный ветер подул на задворках сознания Мокрица.

– Да, – проговорил он. – В курсе.

– Покойная госпожа Шик завещала ей еще пятьдесят процентов. Это по правилам банка означает, что собака – новый председатель банка, господин фон Липвиг. А ты – хозяин собаки.

– Секундочку, животное не может владеть...

– О, еще как может! – воскликнул Кривс с законническим задором. – У нас полно прецедентов. Одного осла как-то раз посвятили в сан, а черепаху назначили судьей. Конечно, чем сложнее ремесло, тем реже оно встречается в судебной практике. Ни одна лошадь, например, так и не освоила профессию плотника. А вот собака в председательском кресле – дело относительно обычное.

– Это ерунда какая-то! Она меня совсем не знает! – на что внутренний голос ему тут же ответил: *«О, еще как знает! Она видела тебя насквозь с первого взгляда!»*

– Она надиктовала мне завещание прошлым вечером, господин фон Липвиг, в присутствии двух свидетелей и своего лечащего врача, который признал, что она была в здравом уме, если не теле. – Господин Кривс встал. – Короче говоря, завещание законно. Оно не обязано быть логичным.

– Но как же он будет, не знаю, председатель? Он может разве что ножки у стула обнюхать!

– Я так понимаю, ты станешь его фактическим представителем, – сказал законник. Со стороны сержанта Ангвы слышался писк.

– А что будет в случае его смерти? – спросил Мокриц.

– Ах да, спасибо, что напомнил, – сказал господин Кривс и достал из портфеля бумагу. – Тут все сказано: акции будут распределены среди всех живых членов семьи.

– Среди членов семьи? Чьей семьи, *его*? Не думаю, что у него была возможность обзавестись семьей!

– Нет, господин фон Липвиг, – ответил Кривс. – Семьи Шиков.

Ветры в голове Мокрица задули холоднее.

– И сколько живут собаки?

– Обычные собаки? – спросил Шнобби Шноббс. – Или такие, которые стоят между толпой Шиков и большим состоянием?

– Капрал Шноббс, вот это было самое уместное замечание! – резко сказала сержант Ангва.

– Звиняюсь, сержант.

– Кхм. – Еще одна моль выпорхнула после кашля Кривса. – Шалопай привык спать в директорских апартаментах в банке, – сказал он. – Ты будешь спать там же. Таково условие завещания.

Мокриц встал.

– Я не обязан ничего этого делать, – крикнул он. – Я никакого преступления не совершал! Нельзя просто взять и с того света перевернуть человеку жизнь... то есть тебе можно, господин Кривс, ничего не имею против, но она...

Из портфеля был извлечен еще один конверт. Господин

Кривс улыбался, а это было дурным знаком.

– Еще госпожа Шик написала тебе это проникновенное обращение, – сказал он. – А теперь, сержант, думаю, пришло время нам оставить господина фон Липвига.

Они удалились. Впрочем, несколько мгновений спустя сержант Ангва вернулась и, не говоря ни слова, даже не повернувшись в его сторону, подошла к мешку с игрушками и бросила сверху резиновую косточку.

Мокриц подошел к корзинке и приподнял крышку. Шалопай посмотрел на него, зевнул, а потом встал с подушечки и вытянулся на задних лапках. Он пару раз нерешительно вильнул хвостом, и его огромные глаза наполнились надеждой.

– Нечего на меня смотреть, малыш, – сказал Мокриц и повернулся к нему спиной.

Письмо госпожи Шик было вымочено в лавандовой воде и слегка отдавало джином. Аккуратным старушечьим почерком она писала:

Дорогой господин фон Липвиг!

Я чувствую, что ты милый, добрый человек и не оставишь моего маленького Шалопая на произвол судьбы. Прошу тебя, будь с ним ласков. Он был мне единственным другом в эти трудные времена. Так неэтикетно говорить о деньгах в такой момент, но ежегодно тебе будет выписываться сумма в \$20.000 (по окончании периода) за выполнение этого поручения, от которого умоляю тебя не отказываться.

Если ты все-таки откажешься или если Шалопай умрет не своей смертью, тобой займется Гильдия Убийц. \$100.000 уже лежат на хранении у лорда Низза, так что его подопечные найдут тебя и выпотрошат, как крысу, что будет вполне заслуженно, Умник!

Да благословят тебя боги за твою доброту к отчаявшейся вдове.

Мокриц был впечатлен. И кнут, и пряник. Витинари пользовался только кнутом ну или бил пряником по голове.

Витинари! Вот кому нужно было ответить на кое-какие вопросы!

Волосы у него на заливке стали дыбом, наученные годами постоянных уверток и прятков и излишне чувствительные после письма госпожи Шик, которое никак не шло у Мокрица из головы. Что-то влетело в окно и вонзилось в дверь. Но Мокриц уже нырнул под стол, когда стекло еще только разбивалось.

В двери дребезжала черная стрела.

Мокриц пополз по ковру, потянулся, схватил стрелу и снова прильнул к полу.

Изящным белым курсивом, как гравировка на старинном кольце, на ней было написано: «ГИЛЬДИЯ УБИЙЦ: СТИЛЬ ИМЕЕТ ЗНАЧЕНИЕ».

Наверняка же это просто предупреждение, да? Предупредительный выстрел? Чтобы подчеркнуть серьезность намерений? На всякий случай?

Шалопай выскочил из корзинки и не упустил случая облизать Мокрицу лицо. Шалопаяу было все равно, кто такой этот человек и что он совершил, – он просто хотел дружить.

– Наверное, – сдался Мокриц, – нам с тобой пора гулять.

Пес восторженно тьякнул, кинулся к мешку со своими принадлежностями, потянул его и опрокинул на пол. Он исчез внутри, истерически виляя хвостом, и вынырнул, волоча за собой красное бархатное собачье пальтишко, на котором было вышито слово «Вторник».

– Ты просто угадал, – сказал Мокриц, застегивая одежду, что было непросто, поскольку его беспрерывно омывало собачьей слюной.

– Хм, а ты случайно не знаешь, где твой поводок? – спросил Мокриц, стараясь не глотать.

Шалопай прыгнул к мешку и сразу вернулся с красным ремешком.

– Ну что, – сказал Мокриц. – Это будет самая реактивная прогулка в истории. Это будет пробежка.

Как только он потянулся к ручке, дверь открылась. Перед лицом Мокрица возникли две ноги кирпичного цвета, каждая толщиной с дерево.

– Надеюсь, Ты Не Под Юбку Мне Смотришь, Господи Фон Липвиг, – прогремела Глэдис свысока.

«На что там смотреть?» – подумал Мокриц.

– А, Глэдис, – сказал он. – Будь добра, встань у окна и постой там. Спасибо!

Послышалось негромкое «тюк», и Глэдис повернулась к нему, держа пальцами еще одну черную стрелу. От резкого контакта с ладонью голема стрела воспламенилась.

– Кто-то Пустил В Тебя Стрелу, Господин Фон Липвиг, – объявила она.

– Неужели? Ты просто задуй ее и положи в лоток с документами, – сказал Мокриц, выползая из кабинета. – Мне нужно встретиться кое с кем по поводу собаки.

Он подхватил Шалопая и припустил вниз по лестнице, по запруженному холлу, по каменным ступенькам – и вот она, черная карета, как раз остановилась у обочины. Ха! Патриций всегда на один скачок впереди.

Мокриц распахнул дверцу кареты, едва лишь та остановилась, с разбегу плюхнулся на свободное сиденье с заливи-сто лающим Шалопаем на руках, посмотрел на собеседника и сказал...

– О... прошу прощения, я решил, что это карета лорда Витинари...

Рука потянулась и захлопнула дверцу. На руке была очень дорогая черная перчатка, большая, расшитая бусинами черного янтаря. Мокриц поднял взгляд от руки к лицу и услышал:

– Нет, господин фон Липвиг. Я как раз сам собирался к тебе заглянуть. Меня зовут Космо Шик. Как поживаешь?

Глава 4

Темное кольцо – Неправильный подбородок – «Работа на всю жизнь – это ненадолго» – Первые распоряжения – Захватительная журналистика – Все на благо города – Миля в чужих сапогах – Шикарное общество

Человек... делал вещи. Он был невоспетым творцом, потому что вещи, которые он делал, никогда не были подписаны его именем. Нет, обычно они были подписаны именами покойников, которые были мастерами своих ремесел. Он, в свою очередь, был мастером другого ремесла. Это было ремесло подражания.

– Деньги принес?

– Да. – Человек в коричневом одеянии кивнул на флегматичного тролля, стоящего рядом.

– И зачем ты это привел? Терпеть их не могу.

– Пятьсот долларов – тяжелая ноша, господин Морпет. И высокая цена за изделие, которое, к слову, даже не серебряное, – сказал юноша, которого звали Досихпор.

– Так ведь в том и вся соль, да? – ответил старик. – Я-то понимаю, что дело ты затеял нечистое. Еще раз повторяю, стиксий – ценнее золота. Просто он не блестит... ну, это если ты не напортачишь. Даже не думай, я все, что достал, мог бы и Гильдии Убийц продать. Уж черное у этих ребят в почете.

С руками бы оторвали.

– Все в рамках закона. Буква V никому не принадлежит. Мы это уже обсуждали. Показывай.

Старик смерил Досихпора взглядом, открыл ящик стола и достал небольшую шкатулку. Он подправил отражатели и потом сказал:

– Хорошо, открывай.

Юноша приподнял крышку и увидел его, черное, как ночь, с литерой V, высеченной более глубокой, резкой тенью. Он глубоко вдохнул, потянулся к кольцу и в ужасе выронил его.

– Оно горячее!

Мастер подражаний фыркнул:

– Ясное дело. Это же стиксий, не что-нибудь. Он поглощает свет. Если б дело было при свете дня, ты бы уже визжал и дул на пальцы. Когда на улице солнце, не вынимай его из шкатулки, понял? Или на перчатку носи, если пофрантить любишь.

– Оно идеально!

– Ага. – Старик выхватил кольцо, и Досихпор стал проваливаться в свой персональный ад. – Совсем как настоящее, да? – прорычал подражатель. – И нечего тут удивляться. Думаешь, я не понимал, что делал? Я и настоящее кольцо видел пару раз, а этим самого лорда Витинари можно провести. Многое придется стереть из моей памяти.

– Не понимаю, о чем ты! – упирался Досихпор.

– Значит, и впрямь дурак.

– Я же сказал тебе, буква V никому не принадлежит!

– Так и скажешь его светлости? То-то же. В общем, будешь должен мне еще полтыщи. Я тут собрался выходить на покой, и такого бонуса мне как раз надолго хватит.

– Мы же договаривались!

– И сейчас договоримся, – сказал Морпет. – На этот раз ты платишь за мою короткую память.

Мастер подражаний ликовал. Юноша был недоволен и неуверен.

– Это же для кого-то бесценно, – намекнул Морпет.

– Хорошо, еще пятьсот, чтоб тебя.

– Да нет, уже тысяча, – сказал старик. – Разумеешь? Слишком быстро согласился. Не поторговался. Кому-то дозарезу нужна моя поделка, да? Полторы тысячи на все про все. Ты во всем городе не найдешь мастера, который управлялся бы со стиксием лучше меня. А если я услышу от тебя что-то помимо «да», станет две. Будь по-моему.

Повисла долгая пауза, и Досихпор сказал:

– Да. Но остальное мне придется принести позже.

– Пожалуйста, господин. Буду ждать. Ну вот, совсем не сложно. Ничего личного, просто бизнес.

Кольцо отправилось обратно в шкатулку, шкатулка – обратно в стол. По сигналу от юноши тролль сбросил мешки и, выполнив дело, удалился в ночь.

Досихпор резко обернулся, и правая рука подражателя

скрылась под столом. Он расслабился, когда юноша спросил:

– Ты будешь здесь, да?

– Я? Я всегда здесь. Выход сам найдешь.

– Ты будешь здесь?

– Да, я же только что сказал.

В темноте душного коридора юноша с колотящимся сердцем открыл дверь. Через порог ступила фигура в черном. Лица не было видно за маской, но юноша прошептал:

– Шкатулка в левом верхнем ящике. Справа какое-то оружие. Деньги оставь себе. Только не... делай ему больно, ладно?

– Что? Я здесь не за этим! – прошипела мрачная фигура.

– Знаю, но... ничего лишнего, хорошо?

И с этим Досихпор закрыл за собой дверь.

Лил дождь. Юноша отошел и встал на крыльце дома напротив. Было плохо слышно за шумом дождя и воды в канавах, но ему показалось, что за всем этим он расслышал слабый звук удара. Но ему могло показаться, потому что он не слышал ни скрипа дверей, ни шагов убийцы, и у него чуть душа в пятки не ушла со страху, когда фигура нависла над ним, вложила ему в руку шкатулку и скрылась за пеленой дождя.

На улицу вытек аромат мяты. Тщательно замечая за собой следы, убийца оставил мятную бомбочку.

«Ах ты, старый дурак! – мысленно воскликнул Досихпор в душевной агонии. – Почему ты просто не взял деньги и не

заткнулся? Ты не оставил мне выбора! Он не мог рисковать, чтобы ты проболтался!»

Подступила тошнота. Он не думал, что так все выйдет! Он не хотел никому смерти! И тут его вырвало.

Это было неделю назад. С тех пор ничего не изменилось к лучшему.

У лорда Витинари была черная карета.

У других людей тоже бывают черные кареты.

Следовательно, не все обладатели черных карет – лорды Витинари.

Важное философское наблюдение, которое Мокриц, к вящему сожалению, забыл принять во внимание в пылу спешки.

Пыла теперь как не бывало. Космо Шик был холоден, или по меньшей мере изо всех сил старался так выглядеть. Одет он был, разумеется, в черное, как и все люди, желающие показать, насколько они богаты, но окончательно его выдавала борода.

Теоретически это была эспаньолка, почти как у лорда Витинари. Тонкие полоски черной щетины спускались по обеим щекам, такой же тонкой дугой загибались под носом и сходились черным треугольником под самой губой, придавая Космо вид, который ему самому наверняка казался угрожающе-элегантным. И в самом деле, на Витинари оно так и смотрелось. На лице у Космо элегантная стриженная рас-

тельность уныло топорщилась на синюшной челюсти, блестящей мелкими капельками пота, и в целом создавалось впечатление, что у него на подбородке была мошонка.

Какому-то цирюльнику приходилось иметь дело с этой бородой, с каждым ее волоском, что ни день, и его работу вряд ли облегчало то, что Космо изрядно располнел с тех пор, как создал себе этот имидж. В жизни беспечных молодых людей бывают моменты, когда кубики становятся шариками, но у Космо они превратились в бадью жира.

Но стоило посмотреть ему в глаза – и эффект сразу менялся. В них читалось скучающее выражение человека, который уже видел вас трупом...

Впрочем, как показалось Мокрицу, это не были глаза убийцы. Такие люди скорее всего покупают смерть, когда возникает такая необходимость. Да, на пухлых пальцах красовались демонстративно громоздкие перстни с выемками для ядов, но вряд ли *настоящему*

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.